

АДЕЛЬ
ХАЙД

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ
РАИНЫ

Адель Хайд

Вторая молодость Фаины

«Литнет»

2025

Хайд А.

Вторая молодость Фаины / А. Хайд — «Литнет», 2025

Книга завершена Завершив свой земной путь, попала в прошлое альтернативной реальности Российской империи, вместе с молодостью ей досталась усадьба с пасекой, малышка племянница, испорченная репутация, безденежье и «прелести» сельской жизни. А ещё кому-то очень не нравится, что у этой усадьбы теперь есть хозяйка. В тексте есть: #Сильная героиня #циничный, но благородный главный герой #шкодная малышка #настоящий злодей #любовь и ХЭ #быт и прогрессорство Книга участвует в литмобе «Пенсионерка-попаданка»; другие книги моба можно найти по ссылке Обложка от мастерской «Нейровизуалы от Кэпа»;

© Хайд А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог.	5
Визуал к главе	6
Приветствие.	7
Глава 1	8
Глава 1 (продолжение)	10
Визуалы к главе	12
Глава 2	13
Глава 2 (продолжение)	15
Глава 3	17
Визуал к главе	19
Глава 3 (продолжение)	20
Визуалы к главе	22
Глава 4	23
Глава 4 (продолжение)	26
Глава 5	29
Глава 5 (продолжение)	31
Глава 6	34
Глава 6 (продолжение)	37
Глава 7	40
Глава 7 (продолжение)	43
Глава 8	46
Глава 8 (продолжение)	49
Глава 8 (продолжение)	51
Глава 9.	53
Глава 10.	57
Глава 11.	61
Глава 12.	64
Глава 13.	68
Глава 14	71
Глава 14 (продолжение)	73
Глава 15.	76
Глава 16	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пролог.

Оговорка: Любые совпадения по тексту романа с реально существовавшими историческими персонами случайны. Это авторская версия альтернативной реальности

Всю жизнь Фаина* Андреевна боролась, сначала за хорошие оценки в школе, потом за стахановские показатели на фабрике, потом за урожай, потом боролась с безденежьем девяностых, с рэкетирами на продовольственном рынке, потом с деловыми за свой участок земли, и вот наконец борьба завершена, дай бог помирует в отдельной палате, окружённая большой семьёй, дети, внуки, даже один правнук есть.

Ну теперь-то отдохну, - подумала она и закрыла глаза, чтобы сделать последний вдох.

(* Фаина — женское русское личное имя греческого происхождения; переводится с греческого — «сияющая, блестящая»)

Фаина Андреевна

Это совершенно точно была больничная палата. Но я сразу поняла, что это не та палата, где я лежала. Во-первых, запах был совершенно другой, какой-то острый, из своего послевоенного детства я помнила этот запах, меня тогда вместе с другими детьми отправили в санаторий на море, отъездаться и лечиться, у нас у всех был рахит.

Я очень хорошо запомнила чувство голода, хотя мне и говорили, что такого не бывает, что двухлетний ребёнок не может так чётко помнить. Но я помнила, как ели картошку в кожуре, и мне очень хотелось соли. Тогда голова у меня было большая, больше, чем должна быть, но потом, когда через четыре месяца я вернулась домой, мама меня не узнала, привезли упитанную здоровую девочку. Хотя сердце потом всю жизнь пошаливало. Последствия.

Из воспоминаний меня вырвал разговор. Разговаривали двое.

— Завтра отправьте девушку в Волковскую богадельню

Женский, похоже, что женщина была пожилая, голос отвечал:

— Да как же, Иван Петрович, в Волковскую, там же самая беднота, они же всех принимают. Помрёт же. Может в Елисаветинскую?

Мужской голос устало произнёс:

— Поверьте Анфиса Васильевна, ей всё равно, она уже умерла, просто тело ещё живо, а душа её уже в раю.

Потом помолчал, и Фаине Андреевне показалось, что мужчине не очень приятно объяснять женщине такие вещи, и добавил:

— В Елисаветинской места ограничены, лучше отправьте туда старика из второй палаты, здоровье крепкое, он ещё проживёт, может и лет десять.

Визуал к главе

Дорогие мои! Сделала для вас визуалы главной героини
Знакомьтесь Фаина Андреевна до попадания

Фаина Андреевна после попадания

Вот это омоложение!

Приветствие.

Дорогие Читатели!

Рада приветствовать вас в своей новой истории "Вторая молодость Фаины"

История перенесёт вас в прошлое Российской империи, конец 19 века.

Вас ждёт тёплое и интересное, местами очень интересное, повествование

*Добавляйте книгу в библиотеку! Если вам понравится, то поставьте
звездочку ☆☆☆*

С любовью, ваша Адель

История выходит в рамках литмоба “Пенсионерка-попаданка”

16 историй про то, как женщины, умудрённые опытом, по тем или иным причинам становятся попаданками, получив молодое тело и шанс прожить жизнь заново.

Все они с честью пройдут испытания и обретут женское счастье

Вот все авторы и их истории

<https://litnet.com/shrt/uVUb>

Наши пенсионерки в новом мире снова станут ягодками, помогут решить проблемы и справятся с самыми сложными задачами и обязательно станут счастливыми!

Глава 1

Хлопнула дверь. Кто-то склонился, поправляя одеяло. На меня пахнуло запахом кислого женского пота.

— Ох, ты ж горяшко, брошенное, — жалостливо проговорила женщина, и я решила открыть глаза.

Прямо передо мной, было широкое, рябое лицо. На голове был повязан белый платок, с красным крестом.

«Странно, — подумала я, — уже неделю лежу в этой больнице, а эту медсестру вижу впервые, и что за Иван Петрович, если моего врача звали Александр Иванович, да и палата какая-то странная, может реанимация? Да и говорят странно, в богадельню кого-то отправлять собрались. Я такие слова только в книжках и читала.»

Женщина, погружённая в свои мысли, сначала не заметила, что я открыла глаза. И я хотела её позвать, но из горла вырвался стон, как будто горло сильно пересохло и голосовые связки не желали издавать звук.

Женщина вздрогнула и перевела на меня удивлённые глаза, я моргнула. Она охнула и непроизвольно сделала шаг назад. Я опять попыталась произнести слово, попросив воды, но вместо слова «пить» у меня снова получился стон. Я хотела поднять руку, чтобы показать хотя бы жестом, что хочу пить, но рука у меня не двигалась.

Сбылся мой самый страшный кошмар, меня парализовало, вот надо же, не могла помереть спокойно, и что теперь буду так лежать? Как овощ?

Захотелось завывать в голос! И, о, чудо, из горла вырвался не просто стон, а целый крик!

Анфиса Васильевна, видимо, была привычная ко всему, второй раз уже не вздрогнула.

— Барышня, да неужто?! — она довольно шустро для своей комплекции подскочила ко мне и помогла мне присесть, откуда-то сбоку, словно фокусник из шляпы, достав дополнительную подушку.

Лет ей было около шестидесяти, может быть меньше, но лишний вес годков прибавлял. Лицо у женщины было добродушное, глаза добрые, одета она была в белый хирургический халат, тот, который без пуговиц, обвязывается вокруг пояса.

Я подумала, что скорее всего мужчина, с которым Анфиса Васильевна разговаривала, был доктором, а она сама медсестра.

Я скосила глаза на небольшую тумбочку, на которой стояла кружка, размышляя, как бы мне сообщить, что надо воды. Но Анфиса Васильевна была опытная медсестра и, быстро прийдя в себя, увидев, что я поглядываю на кружку, ласково спросила:

— Водички?

Я, облегчённо выдохнув, кивнула. И с радостью поняла, что шея у меня вполне шевелится.

Анфиса Васильевна, цапнув кружку, выскочила за дверь.

А я ещё раз попыталась подвигать пальцами на руке, и мне показалось, что у меня начало получаться, но будто бы с трудом, словно я долго не двигалась, и руки и ноги, да и всё тело моё затекло.

Вдруг на меня накатило чувство нереальности происходящего, потому как я вглядывалась в свои руки и только сейчас поняла, что, во-первых, вижу их прекрасно, а не мутно, как в последние несколько лет, и во-вторых, это совершенно точно были не мои руки.

Руки, которыми я пыталась двигать, принадлежали молодой женщине, а не восьмидесятилетней старухе. От неожиданности у меня даже получилось скрючить пальцы, и не только на руках, я ощутила, что чувствительность появилась и в ногах.

И вдруг меня скрутила боль, ноги, руки, спина, всё вдруг начало сводить, и колоть иголками, я застонала и в этот момент открылась дверь и в палату зашёл мужчина в белом халате и с ним Анфиса Васильевна.

— А-а-а, — продолжила я стонать, выгибаясь всем телом, потому что его сводило, мне казалось, что все мышцы, какие есть сжались и стали скручиваться с пружину.

Мужчина, быстрым шагом подошёл ко мне и скомандовал:

— Анфиса Васильевна, помогите мне её надо перевернуть.

Он сорвал с меня одеяло, и они вместе с Анфисой Васильевной меня перевернули.

— Масло принесите — ещё раз скомандовал, видимо, доктор

И уже обращаясь ко мне, произнёс:

— Терпи, сейчас будет больно, терпи

Я только успела ощутить, как руки прикоснулись к моим ногам, а потом мне стало так больно, что я, прикусив губы, ни о чём не могла думать, только мычала, пока не услышала от врача:

— Дыши, давай, постарайся сделай вдох

И меня снова перевернули, и я постаралась вдохнуть и, когда у меня это получилось, мне вдруг стало легче.

Таким же образом мне промассировали руки, было больно, но то ли я притерпелась, то ли боль была уже не такой интенсивной.

Закончив, доктор посмотрел на меня с какой-то смесью удивления и восхищения, и даже, мне показалось, что неверия и сказал:

— Чудо, что вы ожили, я вам, скажу, что из «вегетативного состояния*» не выходят, если проводят в нём больше двух недель. Я впервые вижу такое.

*(*понятие кома появилось чуть позже ближе к середине двадцатого века, до этого медики использовали определения «вегетативное состояние» или «состояние минимального сознания»)*

А я поняла, что всё-таки хочу пить, о чём и сказала, вернее прохрипела.

Анфиса Васильевна снова убежала за дверь. Скорее всего она так и не принесла воды в прошлый раз, предпочтя позвать врача. И, надо признаться, они появились очень вовремя.

Пока ждали Анфису Васильевну, доктор пододвинул стул и, присев, рядом с кроватью, попросил подвигать глазами проследив за его рукой, что я успешно сделала.

Доктор довольно хмыкнул и весело произнёс:

— Надо же, чудо, просто библейское чудо. И, главное, как вовремя

Глава 1 (продолжение)

Доктор покачал головой, видимо, каким-то своим мыслям. В дверь палаты вошла Анфиса Васильевна с подносом, на котором стоял графин и стакан.

Я смотрела на вожденную воду.

Анфиса Васильевна помогла мне, поддерживая стакан, но я всё равно облилась.

Доктор приказал:

— Анфиса Васильевна, организуйте гигиену пациентке и после вызовите меня.

Доктор ушел, а Анфиса Васильевна, помогла мне встать, и мы пошли куда-то в коридор.

Я уже поняла, что со мной произошло «чудо». Вот только мы с доктором говорили о разных чудесах. Он о чудесном оживлении неизвестной мне девушки, а я о чудесном превращении из умирающей старухи с вредным характером, в умирающую девицу.

Анфиса Васильевна, повязав мне на ноги бахилы на завязках, довела меня в комнату, которая оказалась, помывочной, потому что водопровод был, но то, как всё было устроено указывало на то, что здание явно не оборудовано по последнему слову техники, а скорее по «первому слову». В комнате стояла печка, на которой грелся большой чан.

Благодаря печке в «помывочной» было тепло.

Под пропитанной потом холщовой рубашкой у меня оказался большой, скрученный из какой-то старой простыни «памперс». Ну что сказать, моё оживление не прошло даром, «памперс» был использован по назначению.

Меня усадили в корыто, и Анфиса Васильевна начала меня поливать из ковшика, предварительно смешав воду в тазике.

А я молчала и рассматривала не свои ноги, аккуратные маленькие стопы, ноги были нездорово худыми, но по тому, что я увидела, можно было точно сказать, что омолодилась не меньше, чем на полвека, а то и больше.

Анфиса Васильевна, видимо была женщина словоохотливая, поэтому всё время, что она меня мыла, она говорила, и даже то, что я ей не отвечала, её совершенно не смущало.

— Это хорошо, барыня, что вы сегодня проснулись-то, видно, бог вас любит, а то ведь, — и Анфиса Васильевна снизила голос о шёпота, — завтра-то Иван Петрович велел вас в богадельню определить, а та-ам, — женщина даже на стала заканчивать, просто протянула слово «там» так, что стало понятно, что туда отправляли умирать.

Слушать мне было интересно, но я пока побаивалась задавать вопросы, надо было разобраться, где я, кто я, и что произошло.

Кожа на руках и ногах у меня была мягкая без мозолей, это означало, что физическим трудом это тело особо не занималось, да и то, что Анфиса Васильевна назвала меня барышней, указывало на то, что я могла находиться, вообще, в каком-то прошлом и, возможно, даже относится к какому-то сословию.

Но я пока старалась об этом не думать потому как никогда не верила в сказки.

Я выросла в стране, где всем говорили, что бога нет, а религия, это «опиум для народа», правда в последние годы все вдруг резко стали верующими, и иногда глядя по телевизору, как чиновники стоят многочасовые пасхальные службы, мне хотелось ругаться, что тяжело, наверное, думать о душе, глядя на мир из окна служебного автомобиля.

— Деньги-то ваш жених последние месяц назад внёс, а неделю назад, приезжал, красивый такой и, посмотрел на вас, послушал, значит, Ивана Петровича, что не жилец вы, да и сказал, что он собирается жениться и оплачивать ваше содержание больше не может.

Анфиса Васильевна тяжело вздохнула, и вдруг погладила меня по мыльной голове:

— А ведь Иван Петрович, и маменьке вашей писал, да пришёл ответ, что уехали они, не знаю, за границу или ишо куда, а только тоже никаких денег больше не платили.

Женщина так сама расстроилась, что у неё выступили слёзы и она промокнула глаза, тыльной стороной кисти, шмыгнула носом и проговорила:

— Ну ладноть, главное, что вы пришли в себя, барышня, а значит всё наладится, и жениха нового найдёте, и маменька может вернётся.

Анфиса Васильевна встала, и с лёгкой улыбкой, проговорила:

—Давайте подымайтесь

Завернула меня в чистую сухую простыню, помогла надеть бахилы, и мы пошли обратно палату.

В палате Анфиса Васильевна помогла мне переодеться в не новую, даже можно сказать застиранную, но чистую рубаху.

Кровать уже кто-то перестелил, и я с удовольствием прилегла.

— Сейчас я покушать вам принесу, а потом Ивана Петровича позову, — Анфиса Васильевна почему-то прятала от меня глаза, и мне это не понравилось. О чём таком будет говорить Иван Петрович, что доброй женщине так неловко.

Визуалы к главе

Дорогие мои, как и всегда, в начале истории, продолжаю знакомить вас с персонажами

Знакомьтесь, Анфиса Васильевна, я, конечно, представляла её потолце, но нейросеть отказывается рисовать точный вариант который хочет автор :))

И доктор Иван Петрович

Глава 2

Бульончик и жидкая кашка показались мне божественно вкусными. Вероятно, ещё и потому, что я последние годы совсем почти вкуса не чувствовала. Вот если селёдочку под шубой, то да, но доктора-то часто солёного не позволяли.

А в этом теле, уже и не знаю, за какие заслуги или грехи мне вторая молодость досталась, а только пока я себя ощущала словно стоя на около двери в «сказочную страну», как Алиса.

Ещё бы узнать, как меня зовут, кто я и почему оказалась в таком молодом возрасте в коме на больничной койке.

Если жених платил отдельную палату, значит не такая уж и бедная я была, да и «маменька» вон за границу умотала. Тоже, наверное, не на последние.

Так за размышлениями я постепенно стала проваливаться в дремоту. Но уснуть мне не дали, дверь в палату распахнулась и зашёл Иван Петрович.

— Ну вот, голубушка, — широко улыбнувшись проговорил доктор, — это же совсем другое дело.

Иван Петрович взял стул и придвинул его ближе к кровати, присел.

Я рассматривала доктора и замечал, что и причёска мужчины, и борода, и очки, такие, без дужек, кажется, это называли пенсне, всё указывало на то, что я нахожусь в прошлом. И судя по тому, как говорила Анфиса Васильевна, используя выражения, которые в моём времени никто уже и не употреблял, вполне возможно, что прошлое, весьма отдалённое от моего настоящего.

Между тем доктор присел на стул, закинул ногу на ногу, руки сложил замком на коленях. Потом достал платок из кармана, снял пенсне и начал его протирать.

Я смотрела и размышляла о том, что похоже мужчине, как и Анфисе Васильевне крайне неловко начинать этот разговор.

Но Иван Петрович всё-таки собрался с мыслями, надел на переносицу, до блеска натёртое пенсне и снова сложив руки в замок и положив их на колени сказал:

— Фаина Андреевна, голубушка, раз уж вы пришли в себя, то я должен вас предупредить, что палата эта оплачена до сегодняшнего дня и завтра вам придётся её освободить.

А я даже не услышала, что он сказал, потому как только он меня назвал мой собственным именем, меня отчего-то затопила такая радость, что больше ничего я и не услышала.

Так странно, неужели и вправду есть некая магия имени. И как только прозвучало моё, то сразу откуда-то пришла уверенность, что я со всем справлюсь, потому что это я.

— Фаина Андреевна, вы слышали, что я сказал? — сквозь свои размышления я вдруг услышала голос Ивана Петровича.

Я улыбнулась, не в силах сдержать радость оттого, что снова слышу собственное имя, и попросила:

— Не могли бы вы повторить?

Доктор внимательно на меня посмотрел:

— Вы себя хорошо чувствуете?

— Да, только вот помню не всё, — решила я сообщить доктору о своей проблеме. Не буду же я ему говорить, что совсем без памяти, ещё отправит в богадельню.

Но доктор сразу же ухватился за предложенный симптом:

— Да, голубушка, такое бывает, всё же ваша, ... м-м... душа, где-то пребывала целых три месяца, и, конечно, вам ещё предстоит восстанавливаться...

На это вдруг Иван Петрович осёкся и даже испуганно на меня посмотрел:

— Ну так вот, голубушка, о чём это я... В общем, завтра буду вынужден вас выписать...

И доктор замолчал, видимо, не зная, что говорить дальше.

— Иван Петрович, — несколько хрипло проговорила я, — я не всё помню, но мне казалось, что мы жили не бедно, возможно ли меня отвезти домой

Доктор испуганно на меня посмотрел, и, тяжело вздохнув сообщил:

— Матушка ваша, продала столичный дом и уехала в Париж, на письма мои не отвечала, а перед отъездом счета платить отказалась. Если бы не ваш жених, Дмитрий Алексеевич, то давно бы пришлось вас в богадельню отправлять. А так всё же появился у вас шанс, и вы пришли в себя.

Я смотрела на доктора и размышляла: — «Выпихнут меня завтра отсюда и куда я пойду?»

Видимо, что-то отразилось у меня на лице, потому как Иван Петрович улыбнулся и успокаивающе произнёс:

— Да вы так не переживайте, голубушка, до завтра полежите, потом сходите к вашему семейному нотариусу, у которого ваши документы хранятся и всё узнаете.

Иван Петрович снова достал из кармана платок, снял пенсне и начал его протирать. В какой-то момент остановился и добавил:

— Помнится, брат у вас был старший сын вашего батюшки от первой супруги, где-то на Урале живёт. Может и примет вас, всё же вы одна кровь.

Глава 2 (продолжение)

Доктор уже ушёл, я у меня сон как рукой сняло.

«Да, Фаина Андреевна, — подумала я, — вот же решила отдохнуть».

И так мне весело стало, что я чуть было в голос не рассмеялась. Но сдержала себя, мне ни в богадельню, ни в ом призрения не хотелось. И так пришлось признаться про потерю памяти. Хорошо, что её доктор всё списал на «возможные последствия».

Сон всё-таки «победил» и в какой-то момент моих размышлений я уснула. Разбудила меня Анфиса Васильевна, которая принесла мне ужин и тёплый взвар, как она назвала приятный ароматный напиток, в глиняном кувшинчике. А ещё она принесла мне небольшое зеркало, красивое, на ручке.

Зеркало было аккуратно завернуто в тряпицу. Анфиса Васильевна с большой осторожностью его развернула и подала мне:

— На вот, посмотри, видела же я, что ты всё осматривалась, зеркало искала.

Я с благодарностью приняла зеркало, которое оказалось весьма тяжёлым для такого размера, и, с замиранием сердца взглянула на себя.

На меня смотрела белокурая девушка, с огромными потрясающей синевы глазами. Лицо у девушки сейчас было болезненно бледным, но то ли из-за глаз, то ли от сочетания этой бледности с розовыми пухлыми губами, лицо девушки казалось очень нежным и беззащитным.

Я в молодости совершенно точно такой не была, хотя тоже имела светлые волосы и синие глаза, которые с возрастом приобрели сероватый, я бы даже сказала стальной оттенок. Жизнь не особо баловала поэтому пришлось «закалиться».

Смотрела женщина на меня с жалостью, и поэтому я решила всё-таки спросить:

— Анфиса Васильевна, а какой теперь год?

На глазах у сердобольной санитарки выступили слёзы, и она, погладив меня по голове сказала:

— Ох ты же горюшко, год нынче она тысяча восемьсот семь восьмой год. Неужто и это запомнела.

— Да, просто решила теперь себя проверять, чтобы точно знать, что помню, а что нет, — постаралась я исключить всякие подозрения в моей адекватности.

После ужина Анфиса Васильевна принесла мне какие-то порошки. Я Попросила оставить, сказала, что выпью попозже.

Мне даже стало немного стыдно, когда женщина, поверив мне всё оставила и ушла, а я, конечно же, ничего пить не собиралась, потому как кто его знает, что там в этих порошках.

Точно не помнила, но и истории знала, что раньше и ртуть и чего только не добавляли в лекарства.

«Ничего, организм молодой, справлюсь, — подумала я, снова проваливаясь в сон. И последняя мысль перед тем, как я заснула была, а что же всё-таки случилось с Фаиной?».

Утром я проснулась сама. Самостоятельно встала с кровати, меня уже не качало, как вчера, так что я сама дошла до туалетной комнаты, которая находилась тут же, в виде маленького чуланчика. И после подошла к окну. Вчера мне так и не удалось увидеть, что там, и даже узнать какое время года.

На улице было лето, я приоткрыла окно, в палату ворвался свежий аромат листвы. Перед зданием больницы был прекрасный парк. Воздух наполнился ещё и пением птиц, встречающих рассвет. Я подумала, что сейчас, вероятно, около пяти утра, воздух был свежим, а солнце только подсветило голубое небо.

Вдохнула полной грудью, и голова у меня закружилась. Но постояв немного, я поняла, что просто тело моё отвыкло от свежего воздуха, а теперь, когда наполнила лёгкие, то кислород, попавший в кровь немного «вскружил мне голову».

Молодой организм снова хотел есть. В голову пришла веселая мысль, сколько мне понадобится денег, что себя прокормить? Если я всё время хочу есть. Или так всегда в молодости? Я уже и не помнила.

К счастью скоро пришла Анфиса Васильевна, она привела с собой двух простоватого вида мужчин, которые принесли довольно объёмный чемодан. Он, конечно, был мало похож на чемодан, больше на короб, но имел прямоугольную форму и застёжки.

Поставив «чемодан» на пол, мужчины ушли, а Анфиса Васильевна, обернувшись ко мне, виновато сказала:

— Вещи ваши, как вас тогда раненую-то привезли через две недели маменька ваша вещи-то ваши и привезла, с тех пор вот у себя в кладовой и храню.

А я первым делом подумала, как бы уговорить Анфису Васильевну ещё немного похранить мои вещи, а то боюсь, что с таким «чемоданом» я отсюда далеко не уйду.

И вдруг поняла, что резануло слух, «раненую привезли», сказала Анфиса.

В этот момент Анфиса Васильевна как раз нагнулась, пытаясь открыть «чемодан». Я тронула женщину за руку и спросила, стараясь поймать её взгляд, который она всё время виновато отводила:

— Анфиса Васильевна, а что значит раненую меня привезли?

Глава 3

Анфиса Васильевна посмотрела на меня долгим взглядом, вздохнула:

— Так может и хорошо, что забыли-то? И не надо вам вспоминать, барышня. Вам, господь жизнь подарил, так и живите.

Я не стала настаивать, подумала, что сейчас женщина снова расстроится, решила, что когда врач меня будет выписывать, то я у него спрошу.

Подошла ближе к Анфисе Васильевне и обняла её:

— Правы, вы правы, Анфиса Васильевна, надо жить.

— Вот то и дело! — широко улыбнулась женщина и снова начала открывать «чемодан».

Когда мы его, наконец, общими усилиями открыли, то я удивилась. Вещи все были довольно дорогие, ну на мой взгляд. Хорошая ткань, незаношенное.

В «чемодане» нашлось несколько платьев, две юбки и несколько блуз. Помимо этого, там было бельё. Смешное, конечно, такое «бабушкино».

«Ну тебе, Фаина Андреевна, не привыкать к панталонам,» — весело подумала я

У меня вообще настроение было хорошее. Лето, молодость, новая жизнь.

Надела я простое, приятного серого цвета платье. Удобные башмачки, тоже явно, не дешёвые.

Анфиса Васильевна сама предложила оставить пока кофр, так она назвала «чемодан» у неё:

— Барышня, куда же вы потащите эту монстру, а как устроитесь, — Анфиса Васильевна снова виновато спрятала глаза, — то пришлёте кого-нибудь ко мне сюда.

Я понимала, что за те три месяца, что я лежала, а она ухаживала за мной, женщина прикипела ко мне, и теперь понимая, что я уйду, практически на «улицу», ей было неловко и даже стыдно. Но, женщина сама жила где-то при больнице и никак не могла помочь несчастной девице в моём лице.

Чуть позже пришёл Иван Петрович, принёс бумаги и строго по врачебному сказал:

— Фаина Андреевна, как устроитесь где, если не в Петербурге будете, то эти бумаги передайте местному врачу, пусть вас наблюдают.

А я подумала, что сейчас хороший момент расспросить о «моём ранении».

— Иван Петрович, — обратилась я к доктору, замечая, что говорю не так, как мне было свойственно в прежней жизни, а будто бы приноровившись к местной речи, — я вот совсем не помню, почему и как получила ранение, не могли бы вы мне рассказать.

Доктор посмотрела на меня внимательно, видимо, оценивая, насколько далеко простирается моя «забывчивость», но ничего про «потерю памяти» больше не сказал, а вот про события трёхмесячной давности довольно сухо, словно из медицинской карты зачитывал, произнёс:

— Поступили вы, Фаина Андреевна, в очень плохом состоянии, привезла вас матушка, сказала, что нашла вас в доме, рядом с вами был пистоль, а в груди у вас было ранение.

Я удивлённо посмотрела на замолчавшего доктора:

— Получается, что я сама себя пыталась убить?

— Я этого не сказал, — Иван Петрович недовольно нахмурился, — хотя матушка ваша настаивала именно на такой версии и полицейским тоже так и заявила.

Я сразу уловила, что к матушке Фаины доктор явно не благоволит, видимо та ещё «особа».

— А что думаете вы? — я вопросительно посмотрела на мужчину

— То, как выглядело пулевое отверстие указывало на то, что стреляли с расстояния, — поясни доктор, почему-то оглянувшись в сторону двери, как будто бы опасаясь, что кто-то может подслушать.

И в ответ на мой непонимающий взгляд добавил:

— Ожога на коже не было, какой обычно бывает, когда стреляют, приложив пистоль вплотную

«Да, — задумалась я, — всё выглядит ещё более запутанней»

Я посмотрела на папку в руках, а Иван Петрович, почему-то пряча взгляд, проговорил:

— В бумагах этого не записано, Фаина Андреевна

Помолчал пару мгновений, прочистил горло, и уточнил:

— Матушка ваша просила, чтобы не завить криминальное дело, — доктор снова вздохнул, достал платок из кармана и начал протирать пенсе, — через неделю, как вы поступили, стало понятно, что жизнь ваша поддерживается только вашим здоровым сердцем, а вот душа ваша ушла далеко...

— И вы решили, что мне уже всё равно, — закончила я фразу за доктора, и сразу же произнесла свою, слегка повысив голос:

— А мой убийца, значит, остался безнаказанным?

Доктор вздрогнул и удивлённо посмотрел на меня. Он, явно не ожидал, что ещё вчера полумёртвая девица, оживёт и начнёт «права качать».

Но у меня не было выхода, я подумала, что здесь, как, собственно, и везде нельзя надеяться на справедливость, её нет. Поэтому надо что-то делать, чтобы не оказаться без денег на улице.

Тем более, что много мне не надо, пусть оставит за мной комнату с питанием на несколько дней, пока я разберусь есть у меня что-то или нет.

Визуал к главе

*Дорогие мои! Сейчас модно делать иллюстрации к роману. И я попробую
Фаина обнаружила, что у неё есть одежда. Что же, возможно, что не всё так
плохо.*

*А ещё визуал Фаины Андреевны до попадания в начале книги весьма грустный, там
она перед самым переходом в новую молодость и мне захотелось показать, какая она
была*

Глава 3 (продолжение)

Я смотрела на Ивана Петровича прямо, ожидая ответа. Да, мой вопрос был риторическим, уже было понятно, что никто не ответил за преступление. А то, что в девушку стреляли я уже не сомневалась. С чего бы это ей кончать жизнь самоубийством, если всё было хорошо?

Судя по информации от Анфисы Васильевны, жених у Фаины был молодой, красивый и богатый. Маменька не очень, правда, но сама Фаина, вроде бы и жила не бедно, гардероб вот новый.

— Однако, — произнёс, наконец, мужчина, — и что вы собираетесь делать?

Я понимала, что вся моя бравада шита «белыми нитками», доказать, теперь, спустя несколько месяцев, что меня пытались убить, когда никаких документов не сохранилось практически невозможно, но... пусть простит меня доктор, который в принципе был неплохим человеком уже потому, что ему было стыдно. Но вот на этом чувстве вины я и собиралась сыграть:

— Позвольте мне остаться ещё на два дня в больнице с питанием, пока я разберусь что и как, а после я уеду.

Доктор выдохнул. Уж и не знаю каких требований он от меня ожидал, а только я поняла, что это требование для него выполнимо.

— Только я не смогу вас оставить в этой палате, — грустно сказал он, — сюда уже сегодня вечером заезжает пациент, она оплачена.

— В общую не пойду — заявила я, испугавшись, что меня сейчас как отправят куда-нибудь, где заразные больные лежат.

— Нет, что вы, — у мужчины даже глаза возмущённо сверкнули, — я бы и не стал вам такого предлагать, Фаина Андреевна

Мне и самой вдруг стало неловко, что я накинулась на бедного доктора. Всё же мой, привыкший к вечной борьбе характер, не удержался в рамках, предписанных барышнями.

А доктор между тем сказал:

— Палата будет отдельная, просто она на цокольном этаже, окошко там маленькое, но чисто и сухо. А вот еда больничная, уж не обессудьте.

Я уже не стала вступать в спор, и так хорошо, есть где переночевать, безопасно, да ещё и покормят. Поблагодарила.

Иван Петрович сразу засобирился:

— Сейчас распоряжусь, чтобы вещи ваши перенесли

И уже собрался выходить

— Пойдите, — крикнула я, испугавшись, что он сейчас уйдёт, а я его потом не найду

Лицо Ивана Петровича вытянулось, и он выдохнул так печально, что прозвучало с какой-то безнадёжностью:

— Да, Фаина Андреевна

— А адрес нотариуса? — с надеждой спросила я

— Ах, вы об этом, — с облегчением произнёс доктор, — конечно, сейчас напишу.

Так я получила небольшую отсрочку от того, чтобы не оказаться на улице и адрес нотариуса, к которому незамедлительно и поехала.

Потому что добрый доктор дал мне двадцать копеек на извозчика:

— Фаина Андреевна, возьмите извозчика, до конки от нас далеко, устанете, вы ещё очень слабы

— Я отдам, — сказала я, растрогавшись, и вот теперь мне стало по-настоящему стыдно, что я пыталась шантажировать Ивана Петровича.

— Оставьте, — как-то устало произнёс доктор, — не такие уж и большие деньги.

Извозчик высадил меня возле двухэтажного строения.

— Приехали, барышня, улица Миллионная дом одиннадцать.

Здание было длинное с тремя подъездами, над каждым подъездом был красивый кованый балкончик, сами подъезды были арочными с большими из дорогого дерева дверями. На двери среднего подъезда было две таблички, на одной табличке было написано: «Коллегия 78», а на другом «Нотариус Арсентьев К. К.»

Я посмотрела в записку, которую мне написал Иван Петрович, на ней было написано Константин Константинович Арсентьев и поняла, что извозчик действительно привёз меня туда, куда надо.

Решительно подошла ближе, и прочитала, что мелким шрифтом было подписано, что нотариус находится на втором этаже.

Потянула за резную ручку двери, с первого раза мне не удалось открыть дверь, малый вес, да ещё и слабость, не совладала с весом тяжёлых дверей.

Вдруг из-за спины густым басом прозвучало:

— Посторонитесь, барышня

Я от неожиданности вздрогнула и оглянулась. Взгляд упёрся в широкую грудь, на груди была простая холщовая рубаша, волосы казавшиеся серыми оттого, что черная когда-то шевелюра была щедро усыпана сединой, изрезанное морщинами лицо, но морщины были скорее не от возраста, мужчине от силы было около сорока, а от тяжёлого труда. Ладони были большими и мозолистыми, что бросилось в глаза, когда мужчина, отодвинув меня, ухватился правой рукой за медную ручку и легко открыл дверь. От мужчины пахло кожей и табаком

— Проходите, что ли, барышня, — улыбнулся мужчина

— Спасибо, — почему-то пропищала я и юркнула в открытую дверь, быстро поднялась по лестнице на второй этаж и уже там обернулась. Дверь была закрыта.

Осмотрелась, справа увидела ещё дверь, на которой был установлен звонок. Не раздумывая, нажала, с удовлетворением услышав раздавшуюся трель.

Через несколько мгновений дверь открылась, и я увидела девушку в темно-сером платье, белом переднике, с гладкой причёской. Девушка кивнула и спросила:

— Чего изволите?

— Я к господину Арсентьеву, — сухо произнесла я

— Вам назначено? — продолжила расспрашивать меня, видимо, горничная

— Нет, но я по важному делу, — меня начало раздражать то, что меня держат на пороге, и не пускают внутрь, я понимала, что это дурной тон, поэтому я сделала шаг вперёд и от неожиданности девица отступила, и я оказалась внутри и холодно, приказным тоном произнесла:

— Доложите Константину Константиновичу, что к нему дворянка Стрешнева Фаина Андреевна.

— Кто?! — раздался мужской голос и, подняв глаза, я увидела, что в коридоре стоит моложавый подтянутый мужчина с прилизанными волосами в очках и смотрит на меня словно увидел привидение или ещё какое-нибудь необычное явление.

Визуалы к главе

Дом 11 на Миллионной улице в Петербурге конечно же имеется и сейчас, но в реальности куда попала Фаина, он гораздо новее

Глава 4

Мужчина сделал несколько шагов вперёд, подойдя ближе, примерно на расстояние вытянутой руки:

— Фаина... Андреевна?! Это действительно вы?! — каждый свой вопрос мужчина произносил с восклицанием, будто бы удивляясь, тому, что это могу быть я.

— Здравствуйте, Константин Константинович, — сухо проговорила, я же не знала, общалась ли Фаина с этим «товарищем» или нет, но в любом случае собиралась придерживаться версии, что всё помню, просто «память девичья».

Мужчина вдруг спохватился, что держит меня в коридоре:

— Проходите, Фаина Андреевна, рад, что... что ..., — мужчина никак не мог подобрать слова, — рад вас видеть в добром здравии

Жестом показал проходить прямо по коридору, в конце которого виднелась приоткрытая дверь. Я, не раздумывая пошла и вскоре оказалась в большом, дорого и красиво обставленном кабинете.

Облицованные зелёным камнем, похожим на малахит, стены, хотя может быть это он и был, мощный стол, мне показалось, что ножки стола отделаны кожей, такой, как и стоявшие по периметру кабинета диваны. Большой стеллаж за спиной владельца кабинета, и три арочных окна.

Стул для посетителей тоже имелся, был таким же большим и дорогим, но Константин Константинович, вошедший следом, предложил мне присесть на один из диванов.

— Фаина Андреевна, а хотите чаю? — задушевно спросил нотариус

Я подумала, что в моём положении грех отказываться, тем более что чаю хотелось. А уж когда та же самая горничная, которая не пускала меня, принесла ещё и пряников, я готова была её расцеловать.

Так увлеклась пряником с чаем, что пропустила первый вопрос. Вот же, как будто бы никогда не ела. Но они были такие свежие и вкусные, что мне показалось, такие пряники я ещё не пробовала.

— Так, Фаина Андреевна, вы, наверное, пришли по вопросу документов? — нотариус оказался прямо «мистер очевидность».

Захотелось пошутить: — «Нет, пряников пришла поесть», но сдержалась.

— Да, Константин Константинович, пришла в себя в больнице... и удивилась, — голос мой дрогнул, и нотариус внимательно на меня посмотрел.

А я сделала это ненамеренно, просто вдруг вот так вот за поеданием пряника я осознала, что это всё и правда со мной произошло. Что я больше не Фаина Андреевна Кутепова, бухгалтер со стажем и почётная пенсионерка, а Фаина Стрешнева, дворянка, «чудом» выжившая после непонятного происшествия.

— Удивилась тому, что не приди я в себя именно в этот день, меня бы отправили умирать в Волковскую богадельню, и никому до меня не было бы дела, — закончила я.

Нотариус покачал головой, прикусил губу:

— Вы правы, Фаина Андреевна, все мы основывались на заключении доктора

Нотариус вздохнул и продолжил:

— Дела вашей семьи я веду давно, ещё с вашим батюшкой начинали. Так вот, ситуация непростая.

Я удивлённо посмотрела на нотариуса, интересная формулировка:

— Что значит непростая ситуация?

Нотариус встал с дивана, и пошёл к стеллажам, как оказалось на боковой панели был установлен металлический несгораемый шкаф, его-то он и открыл, вытащив ключи из верхнего ящика стола.

Достал из шкафа увесистую папку и вернулся, положив папку на низкий журнальный стол.

— Допили? — спросил меня, и когда я кивнула, переставил пустые чашки на подкатную тумбу. Я проводила взглядом вазочку с пряниками.

— Ну-с, давайте я вам всё расскажу, — произнёс Константин Константинович, усаживаясь на придвинутый стул.

Оказалось, что когда отец семейства Стрешневых умер несколько лет назад, то оставил он довольно приличное состояние, доходный дом, столичный дом, загородное имение, да круглую сумму на счёте в банке.

Да вот только маменька денег зарабатывать не умела, а тратила их со вкусом. Да ещё «завела» любовника, который втянул её в финансовые махинации, обещая «золотые горы», да так, что, распродав всю недвижимость еле-еле хватило рассчитаться с кредиторами. И за несколько лет состояние дворян Стрешневых стало напоминать тонущую дырявую лодку. А здесь дочка красавица подросла и решила маменька её повыгоднее замуж пристроить.

Искать женихов было сложно, репутация семьи, благодаря мамаше была подпорчена, но маменьке удалось. Жениха нашла богатого. Опытного, дважды вдовца, шестидесятилетнего князя Дулова.

Услышав про возрастного жениха, я сразу же задала вопрос:

— А был ли ещё жених? Я что-то помню, что жених у меня был молод и не женат

Нотариус опустил глаза, сглотнул:

— Вы, вероятно, про Воронова Дмитрия Алексеевича?

Я на всякий случай кивнула:

— В больнице мне сказали, что он оплачивал моё содержание, когда маменька отказалась это делать.

— Фаина Андреевна, — нотариус вдруг смутился, как будто бы я сказала что-то неприличное, — Дмитрий Алексеевич не был вашим женихом, скорее... сердечным другом.

«Ничего себе, поворот, — подумала я, — вот это Файка учудила!»

А вслух спросила, чтобы уж точно знать:

— Константин Константинович, есть моменты, которые я не помню, доктор сказал, что память восстановится, но позвольте, назову вещи своими именами?

Нотариус, как мне показалось, облегчённо кивнул

— То есть Дмитрий Алексеевич был моим любовником? — прямо взглянув на нотариуса спросила я

Тот даже вздрогнул, но кивнул и добавил:

— Верно, Фаина Андреевна, для общества так и выглядело.

Я задумалась, но нотариус не дал мне долго рефлексировать:

— Давайте я вам расскажу, что у вас осталось

Осталось у меня немного, из плюсов пятьсот рублей на «мои похороны», из минусов, задолженность по уплате налога за продажу недвижимости, и... маменькина любимая лошадь, которая вот-вот пойдёт с торгов, если не заплатить за содержание.

Я вздохнула, с жильём по-прежнему было непонятно. И вдруг вспомнила, что говорил мне доктор:

— Пойдите, Константин Константинович, а брат? У меня же был брат?

Нотариус странно поморщился, открыл папку и достал оттуда несколько плотных листов.

— Брат у вас был, Фаина Андреевна, сводный, от первого брака вашего батюшки, — степенно проговорил нотариус, раскладывая передо мной лист за листом, — землю в Пермской

губернии отписал ему батюшка ваш, остальное ваша матушка не позволила, — Константин Константинович недовольно поджал губы, как будто был в корне не согласен с таким решением.

Что-то меня царапнуло в том, как нотариус произнёс «был», о чём я незамедлительно и спросила:

— Вы сказали был?

Мужчина опустил взгляд и вместо того, чтобы ответить достал из папки ещё одну бумагу, на которой был изображён двуглавый орёл, держащий в лапах факел и какие-то ленты.

Заметив, что я пристально изучаю изображение, Константин Константинович уточнил:

— Герб полицейского управления

Положил бумагу передо мной, но я не смогла прочитать, было написано по-русски, но с лишними буквами, а мне и без того было страшно, тогда нотариус сжалился и сказал:

— Брат ваш и его супруга найдены мёртвыми, застреленными в собственном доме несколько месяцев назад.

Я подняла брови, потом нахмурилась, пытаюсь уложить услышанное:

— То есть примерно в то же время, что и я?

— Выходит, что так, возможно, что на пару недель позже, — прозвучал ответ.

«Да, вот тебе и новая молодость! — пришла мысль, — как бы не угодить в «ощип»».

— Но это ещё не всё, — продолжил Константин Константинович, и мне захотелось расхохотаться, но я промолчала и хорошо сделала, потому как то, что сказал нотариус было очень важным:

— Уж и не знаю, хорошо это для вас и нет, а только усадьба в Пермской губернии всё ж таки принадлежит вашей семье, но только, если вы готовы будете взять опеку над младшей барышней, Полиной, вашей племянницей, четырёх лет.

Голова у меня «начала трещать» от информации, но главное я расслышала: — «Я не одна, у меня есть племянница, маленькая девочка четырёх лет»

— А где сейчас Полина? — понимая, что прошло уже три месяца со дня гибели родителей девочки.

— Пока передали в Нуровский* приют в Екатеринбурге, — сообщил мне нотариус, но ежели вы согласитесь оформить опеку, то я все необходимые бумаги быстро подготовлю.

И он вопросительно на меня посмотрел.

*(*Нуровский приют (также Екатеринбургский горный приют) — учреждение детского призрения в Екатеринбурге, основанное на средства купца М. А. Нурова в 1857 году и названное в его честь.)*

Глава 4 (продолжение)

— Конечно! Готовьте бумаги, я девочку заберу, — воскликнула я прежде, чем вообще успела подумать. Малышка уже три месяца в приюте!

Константин Константинович довольно кивнул и, извинившись пошёл за стол. Однако довольно быстро вернулся:

— Фаина Андреевна, здесь такое дело, — нотариус явно расстроился, но не сказать не мог, — поскольку вы незамужняя девица, то вам надобно подтвердить, что у вас имеются денежные средства в размере полутора тысяч рублей на одного ребёнка.

Я посмотрела на нотариуса. Он что, издевается? Сам только что сказал, что у меня всего пятьсот рублей похоронных, откуда ещё тысячу взять?

Вслух ничего говорить не стала, да и чего воздух сотрясать, денег на счету не прибавится.

Какое-то время мы оба молчали. Я поняла, что нотариус ждёт моего решения, но мне не хватало информации, поэтому решила её собрать:

— Какие есть варианты?

Константин Константинович, явно не ожидавший от Фаины таких вопросов, сперва замешкался, но потом быстро взял себя в руки и начал перечислять:

— Банковский заём вам не дадут, простите, обеспечения нету, у ростовщиков не советую, нужную сумму не получится взять, а отдавать придётся много. Хорошим вариантом было бы занять у друзей.

— Но друзей у меня нет, — закончила я список вариантов.

Нотариус развёл руками, признавая мою правоту.

«Ситуация получалась не радостная, мне нужно было достать тысячу рублей, судя по всему сумма довольно значительная».

Я сидела и раздумывала, получается, что есть два человека к кому я могу обратиться за помощью: мой жених и мой «сердечный друг».

С женихом ситуация непонятная, он вообще не интересовался моей судьбой, а вот «сердечный друг» может оказаться приемлемым вариантом несмотря на то, что собирается жениться. Ну так я и не собираюсь его отговаривать или, боже упаси, вставать между ним и его невестой, даже деньги потом ему отдам... когда заработаю.

— Готовьте бумаги, Константин Константинович, — я решительно встала, — поеду искать друзей... и деньги.

Сначала заявила, а потом поняла, что адресов-то у меня и нет. Вот же «омоложение» не прошло даром, память-то стала девичья.

— Константин Константинович, — улыбнулась я и постаралась, чтобы голос прозвучал легко и непринуждённо, — не считите за труд, напомните мне, пожалуйста, адреса моего жениха и моего «сердечного друга».

И через пять минут я вышла из кабинета нотариуса, а в сумочке у меня лежала записка с адресами и именами. Я попросила, чтобы и имена написал полностью, а то про жениха вообще ничего не знаю.

Подумала, что первым делом поеду к «сердечному другу», всё же о нём мне тепло вспоминалось. Конечно, я его лично знать не знала, но то, что он оплачивал содержание Фаи, указывало на то, что он, возможно, человек порядочный.

Жил Воронов Дмитрий Алексеевич на Садовой улице, пешком было не очень близко, а время поджимало, поэтому я наняла извозчика и на оставшиеся копейки поехала занимать деньги.

Особняк, в котором жил «сердечный друг», был небольшой, но вокруг него имелся небольшой участок земли, да архитектура была весьма необычная. Размером дом был не очень большой, но выстроен был по типу замка. Даже перед забором имелась небольшая канавка.

Подумала о том, что, вероятно, «сердечный» друг удивится, увидев «воскресшую» подругу, но, отринув все сомнения, решительно постучала молоточком в невысокие кованые ворота.

Внутрь территории меня пропустили практически мгновенно, немного пришлось обождать на входе в сам особняк.

Я поднялась по ступенькам, забежавший вперёд дворовый человек, обогнав меня два раза стукнул по высоким, украшенным инкрустацией дверям. И в распахнувшихся дверях показался пожилой дворецкий, который увидев меня, застыл на месте, словно увидел привидение.

— Доложите Дмитрию Алексеевичу, что к нему Стрешнева Фаина Андреевна

Поскольку дворецкий даже не отреагировал, я сделала шаг вперёд и строго с нажимом сказала:

— Ну!

Мужчина вздрогнул, сделал шаг назад, продолжая со страхом на меня смотреть

— Прохор! — громкий мужской голос послышался с высоты второго этажа, — кто там?

— Б-ба-барышня, — вдруг заорал Прохор, которому, видимо, после вопроса барина стало не так страшно. И, поклонившись, посторонился, чтобы я могла войти. А сам, довольно резво побежал наверх по широкой лестнице.

Вскоре оттуда раздалось, причём громко, хотя стало заметно, что уже не орали, а просто говорили:

— Прохор, и чего ты вдруг заикаться начал? Что за барышня?

— Ф-фаина Андреевна, — с трудом выговорив моё имя произнёс дворецкий

— Что-о? — весело, но с оттенком злости послышалось от Воронова, — гони в шею аферистов, а ещё лучше полицию вызови.

— Барин, там и вправду Фаина Андреевна, подите сами, и убедитесь, — дворецкий, наконец, справился со своей речью и начал произносить слова без дрожи и заикания.

Я стояла внизу и смотрела на лестницу, вскоре по ней стал спускаться мужчина. Видно было, что обычно он сбегает по лестнице, но сейчас он двигался осторожно, словно опасаясь, что вдруг откуда-то выскочит дикий зверь и нападёт на него.

Лица мужчины мне видно не было, он шел против света, падавшего из потолочных окон. Одет мужчина был в синий костюм из дорогой ткани.

Высокого роста, длинные стройные ноги, атлетическая фигура. Спустившись и, увидев меня, стоявшую в отдалении от лестницы, он сделал несколько быстрых шагов, стремительно приблизившись ко мне, и вдруг замер, как вкопанный:

— Фаина ... Андреевна?! — мужчина попятился назад, словно не верил, что перед ним именно я, даже попытался вытянуть руку, но потом сразу же убрал.

— Фаина Андреевна, но как же? — мне показалось что на красивое породистое лицо мужчины резко побледнело словно вся кровь вдруг отлила от его лица.

— Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич, — произнесла я без улыбки

— Фаина Андреевна — в третий раз повторил моё имя Воронов, но теперь уже в его голосе была искренняя радость.

— Ох, да что же это мы стоим? Пройдёмте? — жестом показал Воронов по направлению слева от лестницы.

— Прохор, организуй нам с барышней чаю, — снова крикнул Воронов

В гостиной было светло, свет проникал сквозь большие, необычно, что прямоугольные окна. Кроме окон ничего необычного или выдающегося в гостиной не было, пара диванов,

кушетка, стоящий в углу секретер, с письменными принадлежностями на столе, да на одной из стен висел портрет немолодого мужчины в военной форме.

Присели друг напротив друга, я села на диван, а Воронов сел на стул с другой стороны.

Вскоре горничная принесла чай, и там снова были пряники, но мне было не до распивания чаёв, время шло, а у меня ещё был план зайти в банк и взять хотя бы несколько десятков рублей на расходы.

Поэтому, дождавшись, когда Дмитрий Алексеевич задал все вопросы о том, как получилось, что никто не верил, а я пришла в себя, я кратко выдала ему версию доктора и сразу без того, чтобы не терять время, рассказала про требование для опекунства:

— Я должна быть или замужем, — услышав первую часть фразу, Воронов прямо окаменел, — или обладать капиталом в размере полутора тысяч рублей.

Я вздохнула и завершила фразу:

— И я пришла к вам в надежде, что вы сможете мне одолжить эти деньги.

Дмитрий Алексеевич вдруг взялся рукой за голову и прошептал:

— Боюсь, Фаина Андреевна, что я не в силах вам помочь

Глава 5

Я обратила внимание на кольцо на безымянном пальце правой руки.

Мужчина тоже заметил, что я смотрю на его руку:

— Да, Фаина Андреевна, я помолвлен

— Вы поэтому не можете помочь? Даже в долг? — мужчина удивлённо на меня посмотрел

— Вы изменились Фаина Андреевна, — вместо ответа заявил он, — стали жёстче, ну что же, значит вам можно сказать всю правду.

Вздыхнул и, уже не пытаясь казаться милым и всепонимающим, сказал:

— Я, Фаина Андреевна, разорён, и брак мой, возможность спасти то, что ещё осталось. По договору, я более не управляю своими финансами и денег дать вам не могу.

Заметив, что я никак не реагирую на то, что он сказал, мужчина решил подвести черту, видимо, опасаясь, что я «коплю» силы на истерику:

— И вас я попрошу впредь не приходить сюда более, скоро здесь поселится моя супруга и видеть ..., — он замялся, но потом просто продолжил, — и видеть вас здесь ей будет не по нраву.

Стало противно, значит, когда девушку соблазнял, можно было приходить, а теперь нельзя, но, с другой стороны, спасибо ему, без него мне бы некуда было «попадать».

Я встала:
 — Благодарю, Дмитрий Алексеевич, и за чай, и за науку, может ещё совет дадите? К кому я могу обратиться за помощью?

Господин Воронов закашлялся и, пряча глаза сказал:

— Попробуйте пойти к князю Дулову вашему жениху, он богат и ... возможно, будет рад видеть вас в добром здравии.

А я решила, что с «поганой овцы, хоть шерсти клок» и попросила заказать и оплатить мне извозчика.

Радостный, видимо оттого, что я, наконец-то покидаю его, Дмитрий Алексеевич тут же отправил человека всё это сделать. И уже через десять минут я ехала к особняку князя Дулова. Особняк был расположен в пригородной части Петербурга. Как я буду добираться оттуда я не знала. Ну, как-нибудь доберусь.

Особняк князя Дулова. За час до приезда Фаины

— И что же вы Алексей Сергеевич так строги? — спрашивал князь Дулов Игнатий Иванович.

Князь Дулов был грузный, среднего роста шестидесятилетний мужчина. Голова его была седа, но старым он себя не считал, он считал себя умным и хитрым. Занимал государственную должность в императорском совете, да с некоторых пор заметил, что деньги немалые стали приносить различные мануфактуры. И начал потихоньку их скупать. И вот на шоколадной фабрике Порываева он и споткнулся.

И уже почти час он уговаривал этого «крестьянина» продать ему долю его шоколадной фабрики.

Ещё лет десять назад, этого «коммерсанта» и на порог бы к князю не пустили, а здесь князь ещё и уговаривать его должен.

— Вам же, Алексей Сергеевич, самому прибыль будет, ежели в партнёрах древняя княжеская фамилия, — продолжал увещевать коммерсанта князь Дулов.

Алексей Порываев и вправду происхождения был «низкого», дед его был крепостным крестьянином, а как крепостное право отменили, так и стал род подниматься. У отца сначала была лавка, потом склады, корабль купил, а он, Алексей, получивший прекрасное образова-

ние и в Москве, и в Европе, сам основал шоколадную мануфактуру. И год назад она начала приносить прибыль.

Князю Дулову он не доверял, ему казалось, что тот был похож на паука. Красиво плетёт, да можно смертельно застрять в той паутине.

Он бы и на встречу с ним не пошёл, если бы не его прошение на покупку земли, которое, скорее всего, по распоряжению князя затормозили в коллегии.

И вот уже битый час он был вынужден «отбиваться» от уговоров «старого паука».

А перед глазами было лицо Фёдора Карловича Эйнема, который чуть было не лишился своей фабрики печений.

«Не продавайте долей аристократам, а особенно опасайтесь князя Дулова, иначе снова попадёте в кабалу, как когда-то ваш дед»

Самого Эйнема спасло появление Юлиуса Гейса, который стал партнёром Эйнема, и сделка потеряла привлекательность для Дулова.

Спустя ещё полчаса, князь Дулов так и не получив согласия со стороны Порываева, поджимая губы и не разжимая зубов, сообщил ему:

— Зря вы так ерепенитесь, Алексей Сергеевич, земля-то круглая.

Порываев и сам понимал, что теперь его прошение вообще потеряют, но у него ещё оставался запасной путь, подать прошение напрямую императору.

Мужчины сухо попрощались и как раз в этот момент в дверь протиснулся дворецкий, лицо у него было крайне удивлённое и он, покосившись на Алексея, и получив разрешающий кивок от князя произнес:

— К вам девица Стрешнева, Фаина Андреевна.

Алексей Порываев вздрогнул. Стрешневых он знал, ведь когда-то его дед был крепостным помещика Стрешнева.

«Интересно какие дела у девицы с князем Дуловым», — почему-то стало неприятно, но пора было откланиваться, что Алексей и сделал.

А на лестнице столкнулся с «неземным созданием». Бледная, похоже еле на ногах держащаяся, совсем молодая девушка, в скромном платье, тяжело поднималась держась за перила.

Она взглянула на него, и словно электрическим разрядом ударила. Алексей даже помотал головой.

Взгляд такой... нездешний, нашёл подходящее слово Алексей. И решил не спешить уезжать, по какой-то причине ему показалось, что всё не так просто с этой девицей.

Глава 5 (продолжение)

Особняк князя Дулова напоминал дворец, в три этажа, с огромным количеством окон, парадным въездом и входом. Меня еле-еле пропустили на территорию. Если бы не моя напористость, которой, судя по всему, девица Стрешнева ранее не обладала, то наглые княжеские слуги вряд ли бы меня пропустили.

Возле входа в сам особняк, расположившегося на возвышении, наверное, десяти ступеней, а может и больше, не смогла посчитать, все силы уходили на то, чтобы не упасть, стоял экипаж. Он был ... лаконичный, видно, что дорогой, но ничего лишнего, никаких гербов или вензелей, и в тоже время было заметно, что сделан с умом. Уверена, что поездка на таком экипаже гораздо удобнее того, на котором я приехала.

Поскольку я тряслась в нанятом возке около часа, то меня, похоже, укачало. На меня навалилась какая-то странная слабость, даже слегка подташнивало.

С трудом преодолев ступени на улице, я вошла в холл «дворца». Если бы я чувствовала себя хорошо, то, вероятно, я бы застыла в восхищении. Но сейчас, всё на что я была способна, это коротко бросить слуге:

— Доложи, Стрешнева Фаина Андреевна к князю, — и с нажимом добавила, — по срочному делу.

А сама с ужасом уставилась на ещё одну лестницу, расположенную ровно по центру огромного холла. Но на ней хотя бы были перилла.

После приглашения дворецкого, глядевшего на меня выпученными глазами, вдохнула поглубже и пошла «покорять» лестничную «вершину». Я была настолько сосредоточена на том, чтобы переставлять ноги, что сразу не обратила внимания на спускавшегося мне навстречу молодого человека.

Высокий, русоволосый, с открытым умным лицом, в дорогом, но одновременно простом, без вычурностей костюме. Встреть я такого в своё время, то подумала бы, что человек знает цену деньгам, и себе. Он взглянул на меня так, будто бы что-то обо мне знал, но мне надо было дойти до князя, поэтому я только коротко кивнула и продолжила «восхождение».

Когда я дошла до второго этажа, дворецкий, терпеливо дожидавшийся меня наверху, показал на гостеприимно распахнутую дверь. Я дала себе около минуты отдышаться, потому что ни слабость, ни тошнота не проходили.

— Принеси мне воды, — сказала дворецкому, не обращая внимание на то, что его глаза «выпучились» ещё больше, и он начал напоминать выброшенного на берег карпа.

Сама же прошла в...

Это была гостиная. Пока я видела только кабинет нотариуса, который мне показался дорогим, но эта гостиная «перенесла» меня в Строгановский дворец, где стены были отделаны розовым мрамором, но поскольку я в этом музее была в своё время, то до наших дней вся отделка не сохранилась. А здесь, у князя Дулова гостиная напоминала рассвет над заснеженными вершинами Эльбруса с картин Рериха, настолько необычно смотрелся розовый мрамор на всех стенах и колоннах.

— Так это действительно вы?! — вдруг раздалось откуда-то из-за угла, и я поняла, что засмотревшись на отделку, не заметила главного, а именно, хозяина всей этой красоты, князя Дулова

— Добрый день Игнатий Иванович, — тело само «присело» в лёгком книксене, я даже не успела среагировать.

Князь Дулов, до моего появления сидевший на одном из больших диванов, встал мне навстречу.

Он был полной противоположностью Дмитрию Воронову «сердечному другу» Фаины. Немудрено, что девушка влюбилась не в жениха.

Среднего роста, полный, с лысиной на затылке, седыми волосами, масляными глазками и неприятно-высокомерным лицом, князь производил впечатление человека, для которого все остальные только пыль под ногами.

Я обратила внимание на руки мужчины, пальцы у князя были короткие и толстые, почему-то именно руки произвели на меня наиболее отталкивающее впечатление.

— Вот уж и не ожидал вас увидеть в добром здравии, — неожиданно неприятным тоном заявил князь, даже не предложив мне присесть.

Мне стало нехорошо, может и не стоило мне сюда приходить, я же не в курсе, насколько далеко зашло увлечение Фаины с Дмитрием Вороновым.

Но решила сделать вид, что ничего не знаю, неприятных намёков в голосе не слышу, в конце концов я бухгалтер со стажем, если что могу помочь разобраться в финансовых потоках, и, наверное, даже приумножить капиталы.

Определившись с манерой поведения, взяла и уселась на ближайший стул, так как стоять больше не могла. Брови князя Дулова поползли вверх, но он ничего не сказал.

Вернулся обратно на диван и сел ровно посередине. Сложилась не очень равновесная ситуация, князь, развалившийся на диване, и примерно в пяти метрах от него я, сидящая на стуле. Довольно сложная позиция для диалога.

— Ну что вы, Фаина Андреевна, подходите, садитесь рядом, мы же всё-таки друг другу не чужие люди, — произнёс князь и похлопал ладонью по дивану.

И так это у него премерзко получилось, что я поняла — не договоримся.

И в этот момент в гостиную вошёл дворецкий, вслед за ним слуга с подносом, на котором стоял бокал с водой.

Князь удивлённо взглянул на собственных слуг.

— Вода для сударыни, — важно произнёс дворецкий с интересом оглядывая гостиную, видимо, отмечая для себя что-то.

Слуга направился ко мне, но князь, хлопнув рукой по низкому столу, стоящему рядом с диваном, приказал:

— Поставь на стол.

Так вода оказалась в непосредственной близости к князю и далеко от меня.

Захотелось встать и уйти. Но я заставила себя успокоиться, и встав, подтащила стул, усевшись ровно напротив князя. Схватила стакан с водой и с наслаждением отпила.

Когда ставила стакан обратно заметила какой-то вожделеющий взгляд Дулова, который словно загипнотизированный наблюдал как я пью.

— Игнатий Иванович, — начала я, — вы верно поняли, что я к вам по делу. Пришла в себя, теперь вот надо решить кое-какие проблемы и для этого мне нужно тысячу рублей... в долг.

Сказала и замолчала, предоставляя самому князю решить, готов он ссудить меня деньгами или нет.

Дулов тоже молчал.

Я подумала, что князь, вероятно, опытный делец, раз так долго держит паузу. Ну, да я тоже кое-что знаю.

Какое-то время мы так и сидели, я снова потянулась за стаканом, тошнота и слабость так и не проходили, я уже стала подумывать о том, что как бы мне не упасть прямо здесь в обморок. И постаралась дышать более размеренно.

Князь перевёл глаза на стакан и, наконец, решил мне ответить:

— Значит тысячу рублей, — произнёс он, не спрашивая, а словно бы оценивая, как это звучит, и добавил, сверля меня взглядом, — что же, сумма не малая.

Потом как-то уж слишком нарочито вздохнул:

— Своей невесте я бы, конечно, дал, и даже не попросил бы возвращать.

Князь снова взял паузу, будто бы ожидая, что я сейчас брошусь его умолять взять меня обратно в невесты.

Князь между тем продолжал:

— Но вы больше не подходите на мою невесту, Фаина Андреевна, увы, для княжеского рода важна репутация, а у вас, — и князь противно ухмыльнулся, — её не осталось.

Мне стало противно, я поняла, что этому человеку нравится унижать других и показывать свою власть. Я встала, и так получилось, что с высоты посмотрела на князя:

— Спасибо, что приняли, Игнатий Иванович

Князь неожиданно подался вперёд, и почти что рывкнул:

— Сядьте, Фаина Андреевна, я не договорил.

Я присела, настороженно глядя на князя.

— Я дам вам деньги, Фаина Андреевна, и даже больше, решу ваши проблемы, — чуть задыхаясь проговорил князь, как будто бы сдерживая себя, чтобы не сказать чего-то ещё.

Я подумала: — «Удивительная щедрость к девице с испорченной репутацией, сейчас по «закону жанра» должно прозвучать что-то непристойное».

Так и вышло.

Князь встал, и довольно резво для своей комплекции обошёл меня, встав у меня за спиной и положил свои руки мне на плечи. Я даже сквозь ткань платья ощутила противную влажность и уже собиралась вскочить, скинув его потные ладони. Но князь неожиданно с силой придавил меня к стулу, и, наклонившись, и почти вплотную прислонившись к моему уху, начал шептать:

— Вам всего-то, Фаина Андреевна, и надо сказать мне да, и уже через час все ваши проблемы будут решены. Подумайте, красивые платья, шикарный выезд...

Тошнота подкатила прямо к горлу, и я с силой сначала отклонившись, а потом качнувшись навстречу лицу князя, ударила его головой. Князь резко отшатнулся и мне наконец-то удалось вырваться из его рук.

Я вскочила и сразу сделала пару шагов назад:

— Спасибо за предложение, Игнатий Иванович, но нет!

И, видимо, лицо моё было искажено гримасой брезгливости или ещё какой-то эмоцией, которая не понравилась похотливому мерзавцу, а только он решил, что можно уже откинуть вежливость.

Подскочил ко мне, больно ухватил за руку, чуть выше локтя, и, брызгая слюной, почти что закричал:

— И чего ты ерепенишься, кто тебе предложит больше, после того как ты кувыркалась с Вороновым! А может и ещё с кем?!

Я по-настоящему испугалась. В доме только этот озабоченный князь и его слуги, реши он меня здесь разложить на этих своих розовых диванах, никто ему и слова не скажет.

И я со всей силы заехала князю Дулову коленом по тому месту, коим он пытался ко мне притираться.

Князь взвыл, выпустил меня и, согнувшись ухватился обоими руками за пострадавшее княжеское достоинство.

А я не знаю, откуда только силы взялись, выскочила за дверь, сбежала по ступенькам и пронеслась до выхода со двора княжеского особняка, меня почему-то никто не остановил, и только уже за пределами, встала и поняла, что силы кончились.

Всё вокруг закружилось, в ушах стало глухо, как будто бы разом исчезли все звуки. И я провалилась в темноту.

Глава 6

Алексей Сергеевич Порываев

Возок выехал за пределы княжеского двора, и Алексей приказал кучеру остановиться чуть в отдалении, съехав на обочину, среди высоких тополей, высаженных вдоль дороги.

Что-то Алексея смутило в облике девицы Стрешневой. Она поднималась по лестнице, опираясь на перила, всё это вместе с неестественной бледностью, и каким-то рваным дыханием. Алексею показалось, что девица старалась скрыть одышку...

«Да она же на грани обморока! — вдруг осознал мужчина, и тут же задался вопросом, — интересно, зачем она в таком состоянии приехала к князю Дулову?»

Вспомнив про Дулова, Алексей поморщился. После разговора с «пауком» осталось противное ощущение склизкости.

Барин, — раздался голос кучера, вырывая мужчину из размышлений, — долго стоять-то? А то я отбежать хотел, — сообщил кучер «подробности» демонстративно подтягивая штаны.

— Беги, Митяй, — рассмеялся Алексей, — дело важное.

Сам же решил пройти ближе к воротам, чтобы видеть, что происходит во дворе.

Алексей и сам не понимал, чего он ждёт. Вспоминал, что он слышал про Стрешневых. Конечно, ему и дела не было до этих дворян. Но поскольку дед его был когда-то крепостным помещика Стрешнева, то время от времени, особенно увидев знакомую фамилию в новостях или услышав сплетню, Алексей прислушивался.

Знал он, что сын того самого помещика, Андрей Васильевич Стрешнев, не успев жениться вторым браком, через несколько лет скончался, оставив на попечении молодой жены неплохое наследство и маленькую дочь. Ещё был жив дед Алексея и, поднимая поучительно указательный палец вверх, говорил внуку: — «Смотри, Леха, помяни моё слово, растратит ента фуфыря всё наследство, потому шта не умеют енти ристократы деньгу приумножать.»

Сбылись пророческие слова деда, Алексей периодически, посматривал сделки в «Биржевом вестнике» и видел, как сперва был заложен, а потом продан доходный дом, потом загородное имение, а совсем недавно и столичный дом ушёл с молотка. О происходящем в семье Стрешневых Алексей не знал, только видел в газете в колонке криминальных происшествий что-то вроде «найдена с пулевым ранением...». Тогда не придавал тому значения, некогда, почти всё время отнимал запуск фабрики, а теперь вот сопоставил. Неужели это она?

Вот только где же непутёвая мамаша этой бледноты, еле на ногах держащейся.

— Барин, — снова раздался голос Митяя, который уже вернулся и теперь стоял возле возка, — едем?

Алексей посмотрел на двор перед особняком Дулова, там никого не было, постоял ещё немного взглянул на часы. Ехать до дома, расположенного в центральной части столицы, ближе к северной стороне, было около часа. Значит вернётся уже по темноте.

— Поехали, — бросил Алексей и развернулся, направляясь к повозке. Уже поставил ногу, чтобы запрыгнуть, как вдруг кучер, так и стоявший рядом с возком, прищурился и проговорил:

— Смотри барин, бежит кто-то, девица што-ли, — и покачал головой, то ли удивляясь, то ли осуждая.

Алексей развернулся и действительно увидел несущуюся, словно за ней гнались черти, девицу Стрешневу, даже рассмотрел, как голые коленки мелькают в приподнятом для удобства бега платье. Выражение лица сложно было рассмотреть, но он удивился, что девица, ещё недавно еле переставляющая ноги на лестнице, так бодро бежала теперь.

Алексей увидела, как её проводила удивлёнными взглядами охрана, стоявшая на воротах, которую девица, похоже, даже не заметила.

Девушка ещё довольно бодро пробежала некоторое расстояние, но потом движения её стали замедляться, она перешла на шаг.

— Сейчас свалится, — выдал, заинтересованно наблюдающий за происходящим, кучер.

Алексей вздрогнул и резко побежал навстречу девушке, которая и вправду выглядела так, словно ноги её уже не держали. Еле успел подхватил несчастную возле самой земли, когда глаза девушки закатились и она рухнула, словно её разом покинули все силы.

Фаина Андреевна

Меня трясло, но под головой у меня было что-то тёплое, хотя и не сильно мягкое. Глаза открывались с трудом. Снова очень хотелось пить. Но вспомнила стакан воды, а затем и князя Дулова, и меня в буквальном смысле передёрнуло от отвращения.

Глаза всё-таки пришлось открыть. Я находилась внутри какого-то экипажа, голова моя лежала на чьей-то груди, как и рука, которой я вцепилась в рубашку ... мужчины. Пахло приятно, чистой одеждой и ненавязчиво каким-то парфюмом, что для меня было удивительно, я и не думала, что такой аромат можно «услышать» в этом времени.

Я сначала трусливо прикрыла глаза, но потом по вдруг изменившемуся ощущению под щекой поняла, что мужчина знает, что я очнулась. Пришлось окончательно «приходить в себя».

Я отстранилась, в сером свете сумерек, пробивающемся из небольшого окна возка, мне удалось рассмотреть, что лежала я на плече того самого молодого человека, с которым столкнулась на лестнице в особняке Дулова.

— Простите, — проговорила я скрипучим голосом, горло было пересохшим, словно я неделю не пила воды.

— Не прощу, — неожиданно ответил мужчина, весело сверкнув глазами, — вы мне весь пиджак обслюнявили.

Я перевела глаза на пиджак и правда, видимо, пока я пребывала в бессознательном состоянии из уголка рта вытекло немного слюны.

— Воды хотите? — спросил мой... спаситель?

Я кивнула, но потом сообразила, что возможно мужчина не заметил и «проскрипела»:

— Да, очень

Мужчина достал флягу, на ощупь она была металлической. Я взяла, аккуратно принялась.

— Пейте, — как-то по-своему понял мужчина мою нерешительность, — фляга серебряная, вода в ней почти что святая.

Я с наслаждением сделала глоток, вода была вкусная, и я сделала ещё несколько глотков.

После чего передала флягу обратно мужчине, который тут же демонстративно сделал лоток сам. Меня несколько смутило, то, что, по сути, мы пили из одной бутылки, но я решила сделать вид, что не заметила. Может он просто хотел показать, что вода совершенно безопасна.

— Куда вас отвезти? — спросил мужчина, убирая флягу обратно в какой-то карман, приделанный к стене повозки.

— В больницу, — и я назвала адрес, который постаралась запомнить в случае, если потеряюсь.

— Зачем в больницу? Вам плохо? — спросил мужчина, глядя на меня в лицо.

Я усмехнулась:

— Просто я временно там...

Я намеренно пропустила глаголы, как-то не хотелось говорить, «живу», лежу» «пребываю», «нахожусь». Ни один из них не описывал то, что со мной происходит.

Мужчина замолчал. Какое-то время в повозке была тишина, нарушаемая лишь скрипом рессор и звуками, издаваемыми колёсами, крутившимися по брусчатке.

«Это же та самая «круто сделанная» карета, которую я видела во дворе особняка Дулова» — поняла я.

— Порываев Алексей Сергеевич, — неожиданно прозвучало в тишине

— Фаина... Андреевна Стрешнева, — представилась в ответ, и усмехнулась про себя: — «Очень вовремя»

— Фаина Андреевна, зачем вы ходили к князю Дулову? — вопрос была весьма неожиданный, поэтому я, растерявшись, взяла и ляпнула:

— Денег занять хотела

Мужчина поражённо замолчал.

А меня прорвало, видимо, потому что я устала, перенервничала, мне хотелось есть, спать, меня снова начало подташнивать и вся эта ситуация с невозможностью разобраться в местных реалиях меня просто взбесила, поэтому я и «вылила» на голову ни в чём не виноватого Алексея всю свою раздражительность, поведав ему о том, что пришла в себя, узнала о предательстве матери, гибели брата и малышке-племяннице в приюте, умолчала только о мерзких потных ладонях князя Дулова.

Выговорившись, я вдруг осознала, что не стоило этого делать, поэтому резко замолчала. Хотела попросить прощения, но вместо этого сказала:

— Буду признательна, если довезёте до больницы, признаться совсем нет сил куда-то идти.

Алексей приоткрыл небольшое слуховое окошко и крикнул кучеру адрес.

Вскоре возок остановился, было довольно темно, но я увидела, что остановились мы прямо возле больницы.

Было приятно, что на этот раз меня не обманули.

Мужчина легко спрыгнул вниз, проигнорировав ступени, и подал мне руку. Как бы я ни храбрилась, но, тяжело опёршись на руку мужчины, осторожно, останавливаясь ногами на каждой из двух ступеней, спустилась вниз.

— Спасибо вам, Алексей Сергеевич, и прощайте— бросив взгляд на приятное мужское лицо, сказала я и, не оборачиваясь, направилась в сторону входа в больницу.

— Фаина Андреевна, — вдруг окликнул меня мой новый знакомый. Я обернулась. Мужчина подошёл и передал мне карточку:

— У меня есть для вас деловое предложение, Фаина Андреевна, если вам будет интересно, завтра я до одиннадцати утра буду по этому адресу.

И развернувшись, быстрым шагом дошёл до своей «крутой» повозки и, поднявшись по ступенькам, не оборачиваясь, влез внутрь и с шумом захлопнул дверь.

Я стояла, наблюдая, как повозка уезжает, и тупо смотрела на карточку в руке. В темноте было не разобрать, что там написано. На ощупь карточка была сделана из плотной и дорогой бумаги.

И мне вот интересно, предложение будет такое же, какое мне сделал Дулов? Или действительно деловое?

Глава 6 (продолжение)

Особняк князя Дулова.

Князь Дулов снова сидел на одном из больших розовых диванов. Он ненавидел эту гостиную. Её ещё обставляла его супруга, вторая, так и не принёсшая ему наследника. Первая была пустоцветом, и вторая такая же. Хотя брал он девку, пусть и не богатую, но из многодетной семьи. Специально узнавал, и мать её и бабка, словно кошки, каждый год рожали. А эта, сколько он ни старался, так и не понесла.

Отправил её в деревню, набраться бабского здоровья. Вернулась брюхатая. Такого позора княжеской фамилии князь Игнатий Иванович Дулов допустить не мог.

Отправил неверную супругу обратно, да приставил к ней специального человека. А с бабами чего только при родах не случается?

Вот и эта при родах померла, да и «наследник» не выжил. Князь «погоревал», да и снова пустился на поиски супруги.

Слава дурная «бежала» впереди князя, и несмотря на его богатство и положение, не спешили за него своих дочерей сватать. Но вдова дворянина Стрешнева сама предложила ему свою дочь, правда запросила пятнадцать тысяч приданного...

Князя из воспоминаний вырвал звук открывающейся двери.

— Ну наконец-то! — недовольно бросил князь, и слуга с подносом, на котором стоял запотевший графин и стопочка, а на красивой, украшенной орнаментом сиреневого цвета тарелочке производства Императорского фарфорового завода, лежала капуста, да хрустящие огурчики, а в отдельной того же сервиза мисочке мочёные яблочки, чуть не спотыкнулся, услышав строгий голос скорого на расправу барина.

Барину надо было срочно «лечить» последствия неудачного дня.

Во-первых, так и не удалось уговорить этого «крестьянина» Порываева, во-вторых, ожила, почти что похороненная девка Стрешнева, а в-третьих, ещё никто так обидно не бил князя по самому дорожному.

После пары стопочек стало легче, мысли сразу переключились на главное.

«Что она знает?» — размышлял князь, которому оставался всего один шаг до задуманного.

И вдруг вспомнил сверкающие от возмущения глаза этой «бледной немочи», и удивился ощутив, как желание, родившись где-то на уровне поясницы, выстрелило острой иглой в низ живота.

«Что-то в ней изменилось!» — облизнул внезапно пересохшие губы Игнатий Иванович и рукой поправил, ставшими вдруг неудобными штаны.

Следом пришла злая мысль, что теперь будет сложнее воплотить то, что задумал, но ещё и предвкушение, что с такой девкой можно будет и «поиграть».

Фаина

Выспавшись, проснулась утром отдохнувшая. Хотя и подозревала, что на лицо точно буду выглядеть несколько опухшей.

Вернувшись вчера вечером, выпила, наверное, целое ведро воды. Меня в моей «палате» встретила Анфиса Васильевна. Она-то мне и пояснила, что жажда моя оттого, что организм мой был сильно обезвожен, несмотря на хороший уход. И мне обязательно надо вовремя питаться и пить воду, иначе можно снова заболеть.

Мне захотелось «треснуть» себя по лбу рукой: — «Ну, конечно, вышла из комы и побежала дела делать, вот же ненормальная, хорошо ещё, что Алексей попался. Подобрал и отвёз. А если бы люди князя...»

Я даже зажмурилась, так мне стало страшно.

Вспомнив про нового знакомого, изучила карточку. На ней было написано:

«Алексей Сергеевич Порываев

Университетская набережная дом пять»

К сожалению, не было указано ни кто он, ни чем занимается. Позавтракала, кашей, принесённой добросердечной Анфисой Васильевной, с её же помощью собралась и пошла на встречу к господину Порываеву.

Вариантов у меня было немного, и я решила, что пока этот человек ничего плохого мне не сделал, а забрать свои «похоронные» деньги я всегда успею. И как бы я ни любила Петербург раньше, была в нём несколько раз с экскурсией, но если у меня есть шанс забрать девочку и выстроить новую жизнь на своей земле, то я им обязательно воспользуюсь.

Денег у меня уже не было совсем, поэтому я пошла пешком. Погода была прекрасная, было немного ветрено, но сухо. С собой взяла два куска хлеба, которые мне полагались к завтраку, и рассчитывала на обратном пути от Порываева зайти к нотариусу и там попить чаю с пряниками. Вот такой вот был план.

Я даже не сопоставила, что Университетская набережная — это набережная, где находится Кунсткамера, а увидев, обрадовалась, что по тому адресу были расположены коллегии и Алексей позвал меня не к себе домой, а «в офис».

Прогулка по мосту через Неву меня взбодрила, и в здание Мануфактурной коллегии я вошла хоть и с растрепавшейся причёской, зато со «светлой» головой.

На дверях стоял швейцар, высокий, худой пожилой мужчина, с лихо закрученными седым и усами. И я подумала, что понятие возраста сильно отличается в этом времени. Ему с успехом могло быть около сорока или около шестидесяти. Но суд по осанке дед ещё ого-го!

Он мне поклонился, сразу, профессиональным глазом, определив дворянку:

— Чего изволите, госпожа

Я демонстративно достала из сумочки карточку и зачитала имя Порываева.

— Вам на третий этаж комната два а, — сразу даже не задумавшись отрапортовал «старик».

— А, скажите, Алексей Сергеевич уже... там? — решила я уточнить, на всякий случай, пока есть шанс сбежать.

— Да, не волнуйтесь, он завсегда рано приходит, — «успокоил» меня дед, и прищурившись добавил, — уже почитай часа три там, работает, — поднял швейцар указательный палец вверх.

Время на часах было девять часов тридцать минут утра.

Сегодня подъём по лестнице сегодня дался мне гораздо легче, хотя лестница здесь была не такая пологая как в особняке Дулова.

«Интересно, — подумала я, а у Порываева чай с пряниками есть?»

Сама себе поразились. Видно, с моим переселением в Фаину, мозги мои вместо старческой деменции получили всё-таки ослабление немного «раскиснув», раз я так часто про пряники думаю.

Стучать в дверь не стала. Поскольку на этаже, куда я поднялась и, всё-таки потратила некоторое время на восстановление дыхания, никого не было, то, отыскав комнату «два а», я толкнула дверь сама.

Большая и с виду тяжёлая дверь неожиданно легко открылась, несмотря на кажущуюся массивность, и очутилась в небольшом кабинете, в котором стоял один стол.

За столом сидел незнакомый мне молодой человек и что-то писал.

Я подумала, что швейцар куда-то не туда меня послал, но увидев меня, молодой человек встал и коротко поклонившись, представился:

— Доброе утро, Фаина Андреевна, Киреев Иван, помощник господина Порываева, он вас ждёт.

«Ага, ждал, значит,» — отчего стало приятно, что меня ждали. Я вошла, оглядываясь, и в глубине заметила дверь.

«Ну прям, как у нашего начальника главка* в кабинете,» — пришла мысль

*(*Здесь Фаина имеет в виду Главное управление добывающего холдинга, к которому относилась и тот рудник, на котором она работала до выхода на пенсию)*

Помощник Порываева, вышел из-за стола и открыл передо мной вторую дверь:

— Проходите, пожалуйста

В большом, несколько безликом, дорогом, но как-то по казённому обставленном кабинете, сидел мой вчерашний знакомый-спаситель, Алексей Сергеевич Порываев.

Я села, в надежде, что сначала мне предложат чаю, но господин Порываев, видимо, время своё ценил и просто так на чай с непонятными девицами не тратил.

— Спасибо, что пришли Фаина Андреевна, — начал мужчина, и я превратилась в «суслика, прислушивающегося к шуму в степи», — как и говорил давеча, у меня к вам деловое предложение. Я готов занять вам средства, но в обмен на услуги.

Я возмущённо вскинула голову, так как слово услуги прозвучало крайне двусмысленно.

Порываев улыбнулся, явно рассчитывая на такой эффект, и закончил:

— Простите за двусмысленность, ничего порочащего вас я не потребую. Мне нужен партнёр.

Если он думал, что это для меня звучит не двусмысленно, то он снова ошибся и я усмехнулась:

— Говорите уже прямо Алексей Сергеевич, что вам нужно?

— Мне нужен партнёр с дворянским происхождением, но без претензий на моё дело.

— Но почему вы думаете, что я не буду иметь претензии на ваше дело? — решила я уточнить откуда такая вера мою порядочность

— А я и не думаю, — ответил мне Порываев, — но за вами никого нет, и заключив с вами договор, я не получу встречных исков от богатых родственников.

«А он циничен, — подумала я, — но мне нравится»

А вслух сказала:

— Я согласна, давайте бумаги.

Глава 7

Алексей Порываев.

Алексей смотрел на девушку, которая вот уже целый час изучала документы и выписывала вопросы, потому что, когда она начала их задавать, то он и сам растерялся. И отправил секретаря за юристом. А её попросил пока их записать.

Признаться, когда он вчера вечером предложил девице прийти к нему в офис, то не думал, что она согласится, да ещё и примет его предложение.

Женщин, которые владели предприятиями в России, было много. Конечно, в основном это были купчихи, вдовы или замужние женщины, но были и аристократки. Потому что женщины были уравниены в правах с мужчинами, если хотели заниматься коммерцией.

Аристократы до сих пор имели привилегии, на покупку земли, налоговые преференции, поэтому для Алексея сделка была крайне выгодной... пока Фаина Андреевна не начала задавать вопросы.

И Алексей понял, что за тысячу рублей ему партнерство не купить. Нет, он, конечно, может встать в позицию, он точно знал, что у девушки безвыходная ситуация, она открылась ему вчера, когда он подвозил её, но как бы циничен он не был, уподобляться князю Дулову он не станет.

Фаина

Я зарылась в документы и поняла, что законы местные для меня неведомы, и захоти этот «благородный разбойник» меня обмануть, у него это легко получится.

А «разбойником» я его назвала про себя, когда, даже не зная законов, поняла, что со мной в партнёрстве он получит гораздо больше одной тысячи рублей.

Я так ему и сказала, и, когда он спросил сколько я хочу, я заявила, что хочу тридцать процентов от суммы преимущества, которое он выгадает на партнёрстве с дворянской фамилией.

Судя по выражению лица, Алексей Сергеевич тоже про себя меня называл «разбойницей», но если он разбирается в коммерции, то поймёт, почему я назвала тридцать, а не десять, на которые, собственно, и рассчитываю.

Когда он не смог ответить мне на вопрос, почему налог на оборот для аристократов почти вполтину ниже, то он сам предложил вызвать юриста. Пока его секретарь бегал за юристом, я выписала ещё с десятков вопросов, раз уж у меня выдалась возможность воспользоваться бесплатной юридической консультацией.

Я ещё собиралась уточнить про подписание соглашения, что моё имущество вместе со мной не входит в эту сделку.

Правда пока из всего имущества у меня был только кофр с платьями, который лежал в каморке у Анфисы Васильевны, но вдруг Алексей Сергеевич позарится на мои платья.

В общем спустя примерно три часа, когда я подписала все соглашения, и юрист, и Алексей Сергеевич, выглядели уставшими.

Чаю с пряниками мне всё-таки сделали. Но пришлось попросить. Я бы правда и от бутербродов не отказалась, но никто не предложил. Вероятно, мужчины думают, что девушки питаются исключительно пряниками.

Мы с Алексеем Сергеевичем заключили довольно крупное соглашение. Мой интерес составил одиннадцать процентов.

— Торгуетесь вы, Фаина Андреевна, как заправский купец, — высказал мне Алексей Сергеевич, после того как ему пришлось согласиться на одиннадцать процентов. Зато я подписала отказ от немедленного вывода из оборота своей доли, согласовав процент и необходимое количество наличности.

Юрист, тот вообще смотрел на меня с восторгом, особенно когда я ему про ограничение ответственности* заявила.

*(*ответственность каждого партнера ограничена его вкладом)*

И только когда он мне задал вопрос:

— А как это?

Я поняла, что до товариществ или обществ с ограниченной ответственностью местное законодательство еще не дошло.

И когда юрист, откланявшись уходил, то поздравлял он почему-то именно Алексея Сергеевича.

Я подозрительно на него посмотрела и спросила:

— А почему он поздравил вас, Алексей Сергеевич?

Порываев пожал плечами:

— Вероятно рад, что я нашёл такого умного партнёра, как вы.

Это нисколько не утихомирило мою подозрительность, но я поняла, что другого ответа мне не дадут. Не бежать же за юристом с вопросом?

Настало время прощаться, в сумочке у меня были деньги, счёт юрист обещал открыть для меня в течение трёх дней.

Я грустно взглянула на пряники, вкусные, конечно, но хотелось нормальной еды.

Я в книжках читала, что купцы после заключения ехали в какой-то трактир и отмечали там сделку. Я бы тоже не отказалась бы отметить, большой тарелкой борща с пампушками.

Подумала: — «Вряд ли здесь женщины самостоятельно ходят в ресторан, чтобы поесть».

Но как я потом узнала, они и с кавалерами не ходят, если только те не являются их женихами.

— Какие у вас планы, Фаина Андреевна? — неожиданно остановил меня, почти что вышедшей за дверь, голос Алексея Сергеевича.

— Мне надо к нотариусу, оформить документы на опеку, — я не видела необходимости скрывать от Порываева свои планы.

— А что, Фаина Андреевна, жить так и останетесь в больнице? — весело спросил Алексей

— Да, Алексей Сергеевич, хорошая идея! — я подумала, что надо бы попробовать уговорить доктора на продление пребывания, тем более, что теперь я могу оплатить палату.

Может в каком-нибудь «Англетере» и комфортнее, но там точно нет Анфисы Васильевны, которая и кашку принесёт и с остальным поможет. А вечером перед сном ещё и молока с мёдом тёплого притащит.

Мужчина с удивлением на меня посмотрел. Мне даже показалось что Порываев, будь он хоть немного хуже воспитан, был готов заржать, закрыв лицо руками.

— Вообще-то я пошутил, — растерянно сказал он.

— А я нет, — улыбнулась и добавила, — я же уезжаю через пару дней, зачем мне что-то искать.

Порываев стал серьёзен:

— Куда, позвольте спросить, собрались?

Теперь настала моя очередь растеряться:

— В Екатеринбург, за племянницей

«Ну надо же прямо допрос устроил», — подумала я, а вслух спросила:

— А я вам здесь нужна?

Порываев покачал головой, и я уже думала, что он промолчит, но нет:

— Не забывайте просто оставлять свой адрес, где вас можно будет найти, а то мало ли что. Мы же теперь... партнёры.

Поесть Алексей Сергеевич мне так и не предложил. Но я не в обиде, потому как, вместо этого он предоставил мне свой замечательный экипаж, на котором с удобствами проехала до нотариуса, оформив все документы и справки, и даже заехала на вокзал и купила билеты на поезд до Екатеринбурга.

Князь Дулов Игнатий Иванович

Игнатий Иванович сегодня после обеда заехал в здание коллегий. Ему надо было удостовериться в том, что Порываев никоим образом не сможет получить разрешение на покупку земли.

И каково же было его удивление, когда клерк земельной коллегии зачитал ему, что разрешение Порываев получил, согласно поправке за номером восемнадцать.

— А что это за поправка? — спросил князь услужливого клерка

— Так наличие в партнёрстве дворянской фамилии, Ваше Сиятельство, — быстро и без запинки проговорил служащий.

— И какая же там фамилия? — скривился Дулов

— Стрешнева, Фаина Андреевна, — зачитал клерк, а князю Дулову, чтобы сдержать возмущённый крик, пришлось прикусить губу.

Глава 7 (продолжение)

Дорога мне предстояла дальняя. Радовало то, что железная дорога уже была проложена, но ехать напрямую из Петербурга на Урал возможности пока не было.

Сначала мне надо было добраться до Москвы, а потом пересест на поезд, идущий в сторону Екатеринбурга.

В Москву вела Николаевская железная дорога, а из Москвы Рязанская железная дорога, которая шла до Казани, и там уже по частной ветке до Екатеринбурга.

Поэтому на билетах от Москвы до Казани я экономить не стала. Да и нотариус мне посоветовал взять первый класс, хотя от Петербурга до Москвы я ехала во втором.

Ещё раз убедилась, что скорости передвижения в этом времени совершенно иные. Поезд до Москвы ехал почти восемнадцать часов.

Второй класс напомнил мне купе с четырьмя полками и был довольно комфортен, тем более что спать там предстояло всего одну ночь. Что меня поразило, так это то, что билет я купила один на весь маршрут и действовал он две недели. Мест на нём указано не было.

Я пораньше приехала на Московский вокзал в Петербурге, и обрадовалась, услышав от проводника:

— Барышня, вы молодец, что заранее приехали, я вас сейчас со всеми удобствами устрою, и значитца, постараюсь, чтобы женщины с вами в купе ехали.

Слово своё проводник сдержал и скоро купе заполнилось, пришли две пожилые женщины, с которыми путешествовала девочка лет четырнадцати. Как я поняла, она возвращалась в Москву к родителям на каникулы. А женщины были из школы-пансиона, где девочка училась. Одна её сопровождала, а вторая ехала по своим делам.

К отправлению вагон второго класса был полностью забит, все купе были заняты. И я с удивлением наблюдала картину, как важный господин ругался на проводника, который его не пустил, объясняя тем, что мест больше нет.

Одна из пожилых женщин, заметив, что я наблюдаю за происходящим на перроне, сказала:

— Ругайся не ругайся, не пустит, у них с этим строго.

Я решила воспользоваться тем, что мои соседи первыми начали разговор и улыбнувшись сказала:

— Забавно, а я вот еду впервые и не знала такие подробности.

Улыбка творит чудеса. И уже скоро мы разговорились с моими попутчицами, особенно когда нам принесли чаю в подстаканниках. А у меня были с собой пряники. Они мне достались в качестве гостинцев.

Когда я вчера забирала документы у нотариуса, то прощаясь он вынес мне целый пакет с пряниками, и, смущаясь сказал:

— Фаина Андреевна, я заметил, что вам этот сорт понравился, вот, решил вам на прощание, так сказать, сделать приятное.

Я взяла, мне ещё в детстве бабушка говорила, что не стоит отказываться, когда дают.

Вот и пригодились.

Анфиса Васильевна пыталась меня убедить взять с собой еды, но я побоялась. Было жарко, ехать долго, пищевое отравление в дороге не самое приятное событие.

В поезде был вагон ресторан, и при желании можно было сходить туда или сделать заказ проводнику.

В Москву поезд прибыл к обеду, до отправления поезда до Казани оставалось несколько часов, и я решила их провести на вокзале, чтобы не опоздать с посадкой и не остаться до следующего поезда, как тот важный господин. Разговор которого именно этим и закончился.

Проводник ему просто сказал, что следующий поезд будет через восемь часов и закрыл перед ним дверь вагона.

Перестраховавшись, стояла на перроне ещё до подачи состава. Но на удивление вагон первого класса был полупустой.

В купе первого класса было две полки и проводник, рассадив по вагону немногих пассажиров, мне в купе никого не подселил.

Так я, с относительным комфортом, проехала четыре дня пути до Казани. Любопытно, что много путешествовали либо мужчины, либо семьями. Таких как я, путешествующих в одиночку, молодых женщин больше не было. Но я не ощутила дискомфорта, в первом классе было безопасно, и я была благодарна нотариусу, давшему совет насчёт билетов и Порываеву, который сразу выделил достаточно наличности.

Что странно, в этом поезде, который шёл на более дальнее расстояние, не было вагона ресторана и питаться приходилось на станциях. Сперва я всё время нервничала, что поезд уедет без меня. Но кафе на станциях располагались таким образом что было видно состав, которых стоял, ожидая новых пассажиров и давая возможность поесть и приготовиться к следующему «перегону».

Так в Казани я познакомилась с городским главой Екатеринбурга Нуровым Михаилом Ананьевичем.

Михаил Ананьевич был высокий, немного грузный мужчина, с коротко стриженными волосами и ухоженной окладистой бородой. Все столики в кафе были заняты, за каждым сидело по два или даже по три человека, и только я сидела одна. Он вошёл не со стороны перрона, а со стороны здания вокзала.

Он сразу огляделся, много времени тратить на раздумывания не стал, и пошёл к моему столику.

Пока шёл, я заметила, что многие его знали, он кивал, здороваясь, но ни у одного столика не остановился.

— Позвольте присесть? — голос у него был зычный, а лицо приятное, даже добродушное.

Я не увидела причин отказать, тем более что уже почти всё доела и собиралась идти обратно в вагон.

— Присаживайтесь... — я намеренно сделала паузу, надеясь, что он представится.

Мне показалось, что он удивился тому, что я не знала его имя

— Нуров, Михаил Ананьевич, — сообщил он, и снова, похоже, ожидал какой-то реакции от меня.

Я, конечно, никого не знала с таким именем, а вот фамилия показалась мне знакомой.

— Нуров? — почти что невежливо переспросила я, — а вы имеете какое-то отношение к Нуровскому приюту?

Именно в том приюте была Полина, за которой я и ехала.

Мужчина улыбнулся, явно не той реакции он от меня ожидал, но ответил:

— Не я, моя супруга, Клавдия Ивановна, приют на её попечении, вот и называли в честь фамилии.

Я, спохватившись тоже назвала своё имя.

— А не приходите ли вы родственницей помещику Стрешневу? — в свою очередь поинтересовался мужчина и назвал имя отчество погибшего брата Фаины.

— Да, — я кивнула, — это мой брат, сводный.

— А вы знаете, что брат ваш вместе с супругой погибли? — мужчина осёкся.

Мне стало тревожно, но я продолжила разговор:

— Да, Михаил Ананьевич, эта трагедия и побудила меня к поездке

Мужчине принесли еду, и он на какое-то время замолчал. Когда он закончил, посмотрел на часы, висевшие на стене над входом, и вздохнул.

Я посчитала, что надо уже уйти и стала подниматься.

— Вы торопитесь? — вдруг прозвучало от Нурова, и, не дождавшись ответа, он вдруг взглянул на меня пристально и спросил:

— Фаина Андреевна, значит к нам Екатеринбург едете по делам погибшего брата? Одна? Терпение моё закончилось, и я всё-таки встала:

— Какой-то странный у нас разговор получается Михаил Ананьевич, больше на допрос похожий.

Я холодно улыбнулась и добавила:

— Приятного вам аппетита, господин Нуров

Он понимающе улыбнулся, не пытаясь меня остановить.

А когда вошла в вагон, то я поняла почему. Проводник, размещал ручную кладь и готовил вторую полку, расстилая бельё.

Увидев меня сообщил:

— Попутчика вам подсеваю, стало быть. Но большой человек, сам Нуров с вами поедет.

— А кто он? — у проводника можно было спросить, хотя он и удивился такому вопросу.

— Так-то он купец, большими денжищами ворочает. А самое, значить, главное, что он городской глава всего Екатеринбурга. Так что повезло вам. Обычно-то он целое купе выкупает, но согласился ехать.

Вскоре в купе постучали, после чего проводник распахнул дверь и со словами:

— Вот, стало быть, последнее свободное место

Посторонился, пропуская в купе Михаила Ананьевича.

На этот раз господин Нуров уже не стал сохранять тайну, а сразу сказал:

— Чтобы вы не нервничали, я не просто так вас расспрашивал, Фаина Андреевна, я по долгу службы. Позвольте ещё раз представиться.

И Нуров торжественно произнёс, то, что я уже узнала от проводника:

— Городской глава Екатеринбурга.

Я улыбнулась и решила, что знакомство полезное, хотя и странно неожиданное и тоже второй раз представилась:

— А я еду за племянницей, которая в приюте вашего имени, ну, и принимать наследство брата.

Нуров задумчиво почесал бороду, произнёс:

— Спасибо, Фаина Андреевна, что не стали обижаться.

После чего замолчал на пару мгновений и произнёс:

— Дело похвальное задумали, я вам помогу, но прежде давайте я вам расскажу, что вас там ожидает.

Глава 8

Алексей Порываев задумчиво крутил в руках карандаш. Сегодня утром у него была встреча с частным детективом.

Аркадий Никифорович Кошко много лет служил в сыскной полиции Петербурга, прежде чем решиться уйти на «вольные хлеба». Но в конце концов, когда вместо него на более высокий чин поставили племянника генерала Ахметова, Аркадий Никифорович понял, что выше той высоты, до которой удалось дотянуться простому крестьянскому пареньку, когда-то приехавшему в столицу из Старого Оскола с мечтой стать великим сыщиком, уже не получится.

И с лёгким сердцем, предварительно устроив скандал, и, получив за это довольно большие отступные, согласился уйти в отставку. Выслуга лет позволяла, а мечта... мечта продолжала исполняться.

Не прошло и двух лет, а имя Аркадия Никифоровича уже гремело, как имя настоящего профессионала, который может расследовать самые сложные дела, которые не в состоянии расследовать сыскная полиция.

И к нему даже начали обращаться из полиции за помощью. И своим бывшим коллегам он, конечно, помогал, и потому всегда мог рассчитывать и на их поддержку.

К нему-то и обратился Алексей Порываев, когда решил разузнать, что же случилось с семьёй его нового партнёра, Фаины Андреевны Стрешневой.

И вот сегодня Аркадий Никифорович принёс Порываеву собранный материал. И Алексей Сергеевич крепко задумался.

По всему выходило, что Фаина Андреевну застрелил не нервноически настроенный поклонник, как писали в газетёнках, которые любят такие истории, а неизвестное лицо, которое лишь потому не довело дело до конца, что как раз таки «поклонник» его и спугнул.

Кстати, «поклонника» тоже не осудили из-за недостаточности улик. И здесь Аркадий Никифорович был со своими коллегами согласен, улики против молодого человека, которого схватили на месте преступления, действительно, не было, да и повода убивать девушку тоже. Потому что тот, кого «жёлтые» газетёнки называли «поклонником», был всего на всего курьером от банка, посланным вручить извещение о том, что по невыплате дом Стрешневых переходит в собственность банка.

А вот гибель семьи брата Фаины Андреевны и поспешный отъезд её матери за границу, были как будто бы финалом в череде странностей, вокруг семьи помещика Стрешнева.

И выбивалось из всего этого то, что Фаина не умерла, а неожиданно пришла в себя, что рушило кем-то очень тщательно выстроенный план.

Так Порываеву и сказал Аркадий Никифорович:

— Понимаете, Алексей Сергеевич, не верю я в такие совпадения, и быстрое разорение семьи, и гибель всех наследников. Нюхом чую, что здесь надо искать того, кто основную выгоду получит.

«Нюхом чую» было известное выражение Аркадия Никифоровича. И когда он его произносил, то это означало, что совершено преступление.

Вот и сейчас Аркадий Никифорович «нюхом почуял». А Алексей Сергеевич, вздохнув, подумал, что не надо было ему связываться с этим делом, у самого проблем достаточно.

Но потом вспомнил тонкую фигурку и упрямый взгляд и понял, что вариантов-то у него и не было.

Подумал: — «Интересно, как там она? Доехала ли до Екатеринбурга?»

Фаина

«Куда я еду?» — думала я, выслушав рассказ Михаила Ананьевича, который сейчас, прикрыв глаза либо делал вид, либо и правда дремал.

По всему выходило, что семейное поместье Стрешневых, было передано сыну Андрея Стрешнева по дарственной от отца. В поместье входила земля, на которой стояли две деревни Становская и Пышминская, между деревнями протекала река Берёзовка, и на реке стоял семейный дом помещика. Неподалёку от дома была пасека, которой как раз занимался брат Фаины Иван Андреевич Стрешнев.

Ну, это я всё примерно знала из тех документов, которые мне передал нотариус.

А вот то, чего не было в документах, мне поведал городской глава.

— Брат ваш с супругой были найдены застреленными в начале февраля. Да и обнаружили их не сразу, только спустя несколько дней. Зима.

— А ребёнок? — похолодев от ужаса, спросила я, — Неужели никого рядом не было? Слуги?

— Так из слуг у брата вашего только старый Кузьма оставался, он то как раз и сообщил, что в доме хозяина беда.

Михаил Ананьевич тяжело вздохнул, и потёр лоб рукой, словно вспоминая, что там было, после чего продолжил:

— Просто сразу добраться до города никто не мог. Снегом дороги завалило. А у нас, знаете ли, не как в Петербурге, если завалит, сразу не расчистить.

— Так, а ребёнок? — повторила я свой вопрос, начав нервничать, а то, что он мне всё про снег.

— А-а, — спохватился Михаил Ананьевич, — так со старым слугой она была. Кузьма так и рассказал, что мать собрала и отправила его с девочкой в ближайшую деревню.

Я задумалась, так живо представила себе, как старик в тулупе идёт через сугробы с маленькой, тоже в тулупчике, из-за чего она похожа на бочонок, девочкой в платочке и тёплой шапке.

У меня сразу возник вопрос, но я не стала задавать его вслух: — «Почему мать отправила старика с малышкой в деревню? Почему они сами остались в доме?»

Выяснилось, что пасекой с тех пор никто не занимался, дом никто не охранял, старый Кузьма продолжал жить там же при доме, но чем занимался и на что жил никто не знает.

На мой вопрос, а почему?

Господин Нуков ответил:

— По закону, если наследники не находятся в течение шести месяцев, то земля продаётся с молотка.

— И, если на земле никаких дорогих строений нет, то и цена соответственно невысокая, — продолжила я незаконченную, как мне показалось, мысль градоначальника.

Нуков очень внимательно на меня посмотрел:

— Правда ваша, Фаина Андреевна.

А потом вдруг сказал:

— А на землю эту много кто целился, да я бы и сам был не прочь прикупить.

Взглянул так остро, что мне даже неприятно стало, ощущение, как бумагой порезалась, и спросил:

— Может подумаете насчёт продажи? Зачем вам столько земли одной-то?

Я решила всё перевести в шутку, чтобы не отвечать:

— Михаил Ананьевич, я ведь ещё даже не доехала, а вы уже такие серьёзные вопросы задаёте. Доеду, осмотрюсь и поговорим.

После такого ответа, Нуков как-то даже повеселел. Может решил, что это скрытое обещание с моей стороны. А я в свою очередь подумала, что никому там особо доверять нельзя,

даже этому «добренькому» градоначальнику. Который так удачно вдруг оказался именно в этом поезде и именно в моём купе.

Теперь вот я размышляла, а Нуров дремал. Вдруг дверь в купе распахнулась и проводник произнёс:

— Собираемся, в течение часа прибываем в Екатеринбург.

И, поклонившись, вышел.

Нуров так быстро открыл глаза, что я поняла, не дремал, притворялся.

Почему? Чтобы вопросы не задавала? Или чтобы на них не отвечать?

Глава 8 (продолжение)

— Ну-с, Фаина Андреевна, приветствую вас в Екатеринбурге, — довольно бодро проговорил, только что дремавший, Нуров, — вы же впервые на нашей земле?

«Ну вот что сказать, — подумала я, — так-то не впервые, конечно, почти всю жизнь там и прожила, но вот Фаина, возможно, что и впервые».

Да ещё моя подозрительность проснулась, что-то мне показалось, что хитрит Михаил Ананьевич, недоговаривает.

— В детстве мы здесь с батюшкой бывали, — на свой и страх и риск ответила я.

Ну то в детстве, — заявил Нуров, — сейчас-то многое изменилось

Я на него посмотрела с удивлением, детство, если брать, что Фаине двадцать, совсем недавно было. Ну тему развивать не стала, решила послушать, к чему он это вообще ведёт.

— Вам, Фаина Андреевна, надо присмотреться, приглядеться к местному обществу, я бы мог вам в этом помочь, — наконец озвучил истинную мысль господин Нуров

— Конечно, — ответила я, — это дело очень нужное, но мне бы сразу хотелось племянницу забрать и в родное имение поехать.

Лицо у Нурова стало не очень довольное, и я поспешила его заверить:

— Но как только всё увижу, сразу в город, к вам, с радостью воспользуюсь вашим предложением.

На всякий случай, чтобы не было двусмысленности ещё добавила: — С супругой вашей мне интересно познакомиться, такими добрыми делами занимается.

Мне показалось, что Нуров удовлетворённо кивнул, и больше мы к этой теме не возвращались. Единственное, что он удивился, что я сразу хочу ехать в приют.

— Вы бы сначала в имение съездили, — посоветовал он.

Но я для себя решила, что девочку заберу сразу, может, конечно, там очень хороший приют, да вот только дома с родным человеком всегда лучше.

Заручившись обещанием Нурова о помощи, и пообещав ему не позднее, чем через неделю приехать в город, я отправилась в Нуровский приют.

Находился он на окраине Екатеринбурга. Сначала хотела договориться с извозчиком сразу на то, чтобы он нас уже вдвоём отвез в имение, но извозчик мне разъяснил, что они только в городской черте работают, а чтобы добраться до деревни мне нужно почтовую карету нанимать.

Я подумала: — «Любопытно, а знал об этом Нуров? Если знал, то почему не предложил помощь? Неужели думает, что я «сломаюсь»?»

Извозчик, заметив мои поджатые губы, подумал, что это я на его счёт злюсь:

— Барышня, да вы не сердитесь, я вас возле приюта подожду и до почты поеду, а там и пересядете на почтовую.

Я выдохнула, кивнула доброму дядьке.

Приют находился в двухэтажном полукаменном здании на пересечении двух улиц, Сибирского проспекта и улицы Тихвинской. Прямо перед приютом была небольшая площадь, где и остановился извозчик:

— Здесь вас обожду, а как выйдете, если с вещами, кликните, я подъеду

В приюте я сразу приказала привести мне девочку. Начальница приюта попыталась что-то рассказать, что нужны какие-то ещё документы, но я была уставшая, после почти недельной дороги, злая, потому что мне ещё надо было искать транспорт, и уже осознавая, что дворянам можно немножко больше, чем неродовитым людям.

— Приведите мне ребёнка, — и я посмотрела на даму взглядом бухгалтера, у которого не сдан годовой отчёт.

Через полчаса мы с Полиной уже выходили из здания.

Когда девочку только привели она настороженно на меня смотрела, словно зверёк.

— Полина, я Фаина, твоя тётя, теперь мы будем жить вместе, вернёмся в дом, — я старалась, чтобы мой голос звучал весело, хотя хотелось схватить малявку и заплакать, почему-то так было её жалко.

— Она не говорит, — произнесла воспитательница, крупная, не очень опрятная женщина.

— Вообще? — удивилась я, вроде уже большая, должна говорить

Начальница достала папку:

— Вот это тоже возьмите, здесь врачебные осмотры

Я пролистнула и увидела заключение некоего доктора Рощина, что у девочки посттравматический шок.

— Вы мне всё отдали? — не стала уточнять подробности про врача у начальницы, которая по какой-то причине была негативно настроена, решила, что позже приеду в город и всё выясню.

— Вещи ещё, — всё так же недовольным тоном спросила начальница, не удосужившись назвать меня по имени, — забирать будете?

— Какие?

Начальница кивнула воспитательнице и вскоре та притащила тканый мешок и положила передо мной.

«Вот же ...» — мне захотелось выругаться, но я сдержалась

— Я что ковыряться в нём буду?

— Вы вправе забрать всё, — сообщила мне начальница и гадко улыбнулась

И тут до меня дошло: — «Да она же денег хотела! Эх, Россия-матушка, «не подмажешь не поедешь». Но теперь-то я принципиально ей ничего не заплачу.»

Взглянула на начальницу и приказала:

— У входа стоит извозчик, извольте погрузить вещи в багаж

Уж не знаю, что там в мешке, наверняка хлам, но неизвестно, что нас с Полиной ждёт в имении, поэтому нам может там любой хлам пригодиться.

Извозчик не обманул, дождался и отвёз нас на почту. Там тоже всё прошло отлично и, наняв довольно приличную почтовую карету мы с Полиной доехали до имения. По пути жевали, купленные заранее пирожки и запивали морсом.

Когда прибыли в имение было около пяти вечера. И вот здесь начались сюрпризы.

Ворота на въезде в имение были нараспашку, причём она створка буквально висела, словно её выбили. Дом издалека, от ворот казался красивым, но когда мы подъехали, то стало заметно, что внутри есть следы пожара, большинство окон были выбиты, возле входа валялись какие-то камни. Приглядевшись, я поняла, что это куски статуи или статуй, судя по постаментам, их было две возле входа.

Людей пока не увидела, но по словам Нурова здесь должен жить Кузьма.

Между тем, почтовый кучер уже выгрузил багаж, поставил его на землю и, почесав затылок, спросил:

— Барышня, в дом нести?

Я вздохнула и дав ему на чай, попросила постоять немного.

Если здесь никого нет, то может лучше в деревню поехать, одной с ребёнком оставаться на ночь в пустом полуразрушенном доме страшновато.

Глава 8 (продолжение)

— Ну немного я могу, — извозчик снова почесал затылок.

«Надеюсь, что это просто привычка,» — подумала я, но на всякий случай, решила к нему близко не походить.

— Полинка, ты со мной или с дядей кучером постоишь? — спросила девочку, решив, что может ей не захочется бродить по дому.

Но она так вцепилась мне в руку, что я поняла, идём вместе.

Но не успели зайти в дом, как услышали:

— Это кто там? У меня ружьё есть!

Я повернулась, из правого флигеля, в котором, кстати стёкла были целые, из открытого окна высунулся пожилой мужчина и в руках его действительно было ружьё.

— Кузьма? — крикнула я

Мужчина опустил ружьё и подслеповато прищурился. Видимо, углядел, что ничего опасного женщина и ребёнок не представляют, и вскоре вышел из флигеля.

Полина, увидев старика, вырвала ручку и побежала к нему

Я наблюдала их встречу, было заметно, что девочка его знает и любит, значит неплохой дед, сработаемся.

Почтовую карету я отпустила, Кузьма помог с вещами, перетащил их во флигель и рассказал мне что и как.

Оказалось, что «сперва-то выделил город охрану» и всё было хорошо, а потом через месяц охрану убрали и началось. Несколько раз Кузьме удавалось отпугнуть мародёров, но не всегда.

— Видите, барыня, — развёл Кузьма руками, — вот постарался ценное припрятать, здесь оно, в подполе. И ещё в сарае зарыл, серебро там, и дорогие вещи. А что не успел, то либо побили, как вона статуи, либо украли.

Кузьма достал не очень свежий платок и промокнул глаза. Полина сидела за небольшим столиком и играла с двумя деревянными фигурками каких-то зверей.

Кузьма, взглянув на девочку, улыбнулся:

— Вот новые сделал, знал, что всё пригодится.

Дом мы с ним вместе осмотрели, конечно, там, где были следы пожара, уборка нужна была серьёзная и с ремонтом.

— А что за пожар был? — спросила, не понимая, почему след пожара есть, а дом вроде как целый, хотя перекрытия наверняка деревянные.

Оказалось, что когда нашли родителей Полины, то и следы пожара обнаружили, как будто кто-то сначала в окна факелы кидал.

Мне стало немного жутко. Но решила пока про это не думать. Надо было заняться насущным.

Я осмотрелась, жить, конечно, во флигеле, вместе с Кузьмой я не собиралась, поэтому вопрос с ремонтом в доме надо было решать в первую очередь.

А из срочного надо было что-то на ужин, время уже было позднее, а мы с собой еды не брали. Как-то в этой действительности у меня с режимом питания пока никак не наладиться. Но теперь есть Полинка, поэтому надо этот вопрос решать.

Спросила Кузьму, тот пожал плечами и грустно поделился:

— Особо припасов нету, я-то, барышня, тоже тут бедствовал, мёд распродал прошлогодний, на то и жил.

В общем Кузьму я отправила в деревню, разжиться продуктами и договориться, чтобы с утра приехали убираться и те, кто хочет служить.

Решила, что надо нанять кухарку, мастеров на починку и пару человек в охрану. А то как-то страшно с распахнутыми воротами.

Кузьма оказался полезным дедом, привез из деревни не только продукты, но и готовую еду на ужин. Еще и на завтрак осталось.

— Барышня, с утра мастера будут, и плотника позвал и каменщика, и несколько баб придут наниматься, я вам подскажу какую куды брать. А то ведь не каждая вкусно сготовить может.

Потом помолчал, словно раздумывая говорить или нет, но всё-таки решил сказать:

— Только вы им много не платите. А то знаю я вас, господ, счёта деньгам не ведаете.

Я улыбнулась:

— А сколько им платить?

— Дык, дом отмыть три целковых не боле, если кто отличится, то можна и накинуть на конфеты копеек по десять.

Я подумала, что надо бы разобраться с местными расценками, а то для одних тысяча рублей не деньги, а другие за рубль целый день работать будут, а может и не один.

В имении была старая баня, но до неё надо было идти, поэтому просто попросила Кузьму набрать воды, и помочь подогреть. Он удивился, но возражать не стал.

Во флигеле было три комнаты, в одной я помыла Полину, и сама ополоснулась в корыте. Подумала, что завтра попрошу Кузьму баню затопить. А сегодня устала.

Кузьма спать лёг в коридоре с ружьём, предварительно заперев все двери во флигеле.

А ночью к нам пришли.

Глава 9.

Сначала я услышала голоса за окном, говорившие даже не пытались говорить тихо. Создавалось впечатление, что наоборот, они делали всё, чтобы их слышали. Спала я почти одетая, поэтому осторожно встала с кровати, чтоб не разбудить Полину и подошла к окну.

Отодвинув занавеску, посмотрела в окно. Ночь была лунная и в неровном свете луны было видно, как совершенно не скрываясь, двое мужчин идут через двор, направляясь ко входу в дом.

Я вышла из спальни и легонько, чтобы не испугать, толкнула Кузьму.

Тот сразу проснулся, я жестом показала ему, чтобы молчал и шёпотом сказала, что там кто-то направляется к дому.

Кузьма сразу схватился за ружьё.

— А есть ещё оружие? — спросила я, чувствуя, как внутри начинается адреналиновая реакция.

Кузьма кивнул, в темноте особо не было заметно, но мне показалось, что он удивился, но принёс коробку, в которой лежали два больших пистолета.

С гордостью сказал:

— Вот сберёг, ду..эльные

— Как из него стрелять? — взяв в руки один из тяжёлых, явно инкрустированных серебром, пистолетов, я поражённо рассматривала эту конструкцию

— Неужто стрелять будете, барышня? — удивление всё-таки прорвалось из Кузьмы.

— Надо будет, выстрелю, — отрезала я

Кузьма показал мне, что нужно сделать, и я понадеялась, что в нужный момент, если такой наступит, рука у меня не дрогнет.

— Есть проход из флигеля в дом? — тихо спросила

— Есть, канешна, как же на быть, токмо завалил я его, — произнёс Кузьма виновато.

«Молодец, дед!» — подумала я, а вслух сказала:

— Пошли покажешь.

Я проверила как там Полинка, девочка спала крепко, и мы с Кузьмой пошли в сторону «заваленного прохода».

Завален проход был качественно, разобрать его быстро, чтобы выйти противникам в «тыл» без шума, не представлялось возможным.

Но ждать пока «мародёры», или кто они там, осознают, что в доме ничего ценного нет, а вот во флигеле, который выглядит целым, есть, я не хотела.

И не знаю, откуда во мне вдруг появились «стратегические способности», а только я вдруг чётко поняла, что надо делать.

Отправила Кузьму на крышу, сама же заняла позицию у окна, так, чтобы мне было видно, если они подойдут ко входу, и я смогла бы их отпугнуть выстрелом. Оба пистолета были допотопными, на один выстрел каждый, Кузьма с гордостью сказал, что оружие собирал ещё мой дед.

Так что у меня было всего два выстрела и Кузьма на крыше, и надежда, что в нужный момент ни Кузьма, ни дедушкины пистолеты не подведут.

Как и предполагала, скоро грабители вышли из дома и стали переругиваться:

— Пусто, ни добра, ни девки

И я вдруг поняла, что они знали, что я приехала, или кто-то им сказал, а, возможно, что и направили. Вопрос зачем? Просто припугнуть или что похуже?

И мне вспомнились девяностые, как оставалась ночевать в контейнере на рынке, чтобы «добрый ребятки», которые, кстати, денег брали «за охрану», не позарились на то, что внутри.

А то один раз так пришла утром, а у меня нехватка на тридцать тысяч. И пистолетом я пользоваться умела, правда у меня тогда был травмат*.

*(*здесь Фаина имеет ввиду травматический пистолет, стрелявший резиновыми пулями, наполненными газом)*

От воспоминаний меня отвлек кашель одного из «гостей». «разбойнички» приняли решение идти во флигель.

— Стоять! — крикнула я, получилось не очень грозно, пришлось добавить классическое, — буду стрелять на поражение.

Уж не знаю, что подействовало, то, что слышали слово стрелять или непривычную формулировку, а только мужики вдруг замерли и один из них прохрипел:

— Эй, девка, не шали, отдавай деньги и мы уйдём

Но с места не сдвинулись.

Пришлось придать им ускорение:

— Считаю до трёх

— Раз, два, ... — и я не успела сказать три, как вдруг один из мужиков резко побежал в сторону входа во флигель.

И я, то ли от испуга, то ли где-то внутри у меня зрела уверенность, что так и надо, выдохнула:

— Три, — и выстрелила.

Пистоль был очень тугой и рычажком мне больно прижало палец, а ещё обожгло руку, в которой я держала оружие, но в тот момент сердце у меня стучало с такой скоростью, что я вообще ничего не чувствовала.

Зрение моё вдруг стало чётким-чётким, и я увидела, как пуля летит по воздуху и врежется бегущему мужчине в грудь.

А раньше думала, что это только в кино так показывают.

Второй завизжал и ринулся то ли во флигель, то ли к своему подельнику. И здесь в дело вступил Кузьма, у которого было указание стрелять, только после моего выстрела.

Кузьма очень чётко выстрелил под ноги бегущему и тот, странно подпрыгнув на месте, развернулся и зигзагами, словно заяц от лисы, поскакал к выходу из имения.

Конечно, Полинку выстрелы разбудили. И, хотя руки у меня тряслись, я нашла в себе силы пойти к девочке и успокоить её, сказав, что это гроза на улице:

— Вот утром встанем, а там всё свеженькое, после грозы, хорошо, солнышко выйдет и пойдём мы с тобой гулять.

Девочка доверчиво прижалась, и, слушая её ровное дыхание, у меня стало успокаиваться сердцебиение. Я шептала ей в светловолосую макушку успокаивающие слова и девочка уснула.

А я пошла к Кузьме, надо было разобраться, с тем, кого я...убила?

Кузьма ждал меня внутри:

— Ну, барышня, ну, не ожидал, — с восхищением произнёс он

— Ты не ходил ещё туда? — спросила я, — жив он?

И вдруг резко почувствовала тошноту, как будто бы до меня только что дошло, что я натворила.

Начались спазмы и меня стошнило, я только и успела, что выскочить ближе ко входу, где были доски.

Пока мне удалось себя собрать, Кузьма притащил ведро с водой, налил мне кружку:

— На-ко, барышня, попей, — жалеючи произнёс он, — давайте што ли я сам схожу.

Но мне было страшно отпускать Кузьму одного, вдруг этот гад ещё жив, ещё сделает что-нибудь деду, как я без Кузьмы, я к нему уже привыкла.

Спустя некоторое время, когда на улице уже начало светать, я, наконец, нашла в себе силы, чтобы выйти во двор.

Но во дворе никого не было.

Мы с Кузьмой сразу же отступили к дому, мало ли вдруг нападение повторится.

Уже внутри флигеля Кузьма сказал:

— Идита, барышня, поспите хочь немного, я покараулю

Я благодарно улыбнулась, потому что вдруг почувствовала невероятную слабость, и пошла спать.

Когда легла, то поняла, что зря легла, не усну, но вдруг Поинка шевельнулась, и уткнулась тёплым лобиком мне в плечо, и в тот же момент, словно переключатель выключили, и я провалилась в сон.

Проснулась по моим ощущениям часа через два, в окно, через неплотно задёрнутые шторы светило солнце и с улицы были слышны голоса.

Поины рядом не было.

Я подскочила, ещё плохо спросонок соображая, где я и что вообще происходит. Выглянула в окно, там во дворе стояло несколько подвод, на которых сидели какие-то женщины, по двору ходили люди, и я поняла, что это и есть обещанные мастера и бабы.

Приоткрылась дверь, в образовавшуюся щель протиснулась Поина, подбежала ко мне, обнимая.

— Пойдём дела делать? — улыбнулась я

Девочка закивала.

Собравшись и наскоро умывшись, я вышла во двор. Там с важным видом ходил Кузьма.

Увидев меня зашептал:

Вон те трое, — он показал на трёх дородных женщин в цветастых платках, — на уборку, — а вона та, — и палец Кузьмы ткнул в сторону тощей молоденькой совсем девчонки, — на кухню, значить

Я бы, конечно, поспорила, в моём представлении повариха должна быть женщина в теле, но спорить с Кузьмой не стала.

Только сказала:

— Проверим

И пошла к ждавшим меня людям.

Люди смотрели подозрительно, но никто не возражал.

Бабёнок в цветастых платках отправила в дом, туда же пошли и два мужика, плотник, который пришёл вместе с подмастерьем и каменщик.

Только со стеклом оказались проблемы, надо было ехать в город заказывать, но плотник вызвался сам. Обещал сделать замеры и съездить заказать.

К тем деньгам, которые советовал Кузьма, я ещё добавила от себя, сказав, что если работа будет сделана быстро и мне понравится, то накину каждому ещё по трети.

Перед тем, как идти в дом, только каменщик задержался и, сминая шапку в руке, спросил:

— А вы барышня как платить будет целковыми али бумагами?

Кузьма взвился:

— Пантелей, тебе-то кака разница?

— Дык, целковыми-та надёжнее, — набычившись проговорил каменщик.

У меня было какое-то количество денег монетами и бумагами, и я, конечно, их не делила, для меня что те, что эти, были деньги.

Отвечать не стала. Не понравился мне этот мужик, ещё работы никакой не сделал, а уже про оплату спрашивает.

— По работе вопросы есть у тебя? — спросила строго.

Мужик отрицательно покачал головой. И я развернулась, показывая, что разговор окончен, и жестом подозвала оставшегося «товарища», скромно стоявшего неподалёку.

— Это пасечник, в помощниках у барина был, — подсказал мне Кузьма

— Пойдёмте, госпожа, покажу вам, что от пасеки-то осталось, — неожиданно густым басом сказал пасечник.

— А почему осталось? Пасека куда-то делась? — недоумённо спросила я, взглянув на ставшего понурым Кузьму.

— Дык улы-то попёрли, — просто сказал пасечник

— Как попёрли? Кто? — мне уже хотелось рассмеяться, как быстро всё прут, дом разграбили, улы и те «попёрли».

Глава 10.

—Дык, известно кто, деревенские и попёрли, —совершенно серьёзно проговорил пасечник.

Посмотрела на весело подпрыгивающую Полину, подумала, что обещала девочке прогулку, и вот, можно выполнить обещание:

— А далеко?

— Нет, недалеко, — мужчина мотнул головой, показывая куда-то вправо, — там у Березовки.

— Погодите, барышня, — остановил меня Кузьма, — куды ж без охраны-то?

Я обернулась в ту сторону, куда махал Кузьма, к нам подошли трое парней.

Высокие, румяные, русоволосые, двое шли, тяжело впечатывая шаги в землю, а третий выглядел на их фоне мелким. Сухой, смуглый, черноволосый, похоже, что юркий, он шёл, словно плыл по воздуху и, мне показалось, что он был постарше остальных. Я подумала, что только он один из них и был похож на того, кто мог бы претендовать на роль охранника, остальные двое были больше похожи на «молодцов из ларца».

«Молодцы из ларца» подошли, поклонились.

Кузьма с довольным видом сообщил:

— Братья Тимохины,

— Что умеете? — спросила я

Ответил вместо них Кузьма:

— Так они первые на кулачных

Братья смущённо улыбнулись.

Я кивнула, подумав, что такие румяные, лучше, чем ничего. Но пару вопросов при найме задать надо было:

— Почему решили наняться?

Ответил тот из братьев, кто выглядел чуть старше:

— Кузьма Петрович сказал, вы платить будете, а я вот женюсь по осени, надо бы подзаработать.

— А ты значит, брату помогаешь? — спросила, глядя на того, кто помоложе

Он кивнул.

— Как зовут вас? — решила всё-таки парней оставить, на ворота пока поставлю.

Парней звали Михаил и Павел.

А я с интересом посмотрела на смугляка.

— Азат, — белозубо улыбнулся он, и напомнил мне Саида в исполнении Спартака Мишулина*.

(персонаж из к/ф «Белое солнце пустыни»)

— Почему решил наняться?

— Работа по мне, — коротко сказал он.

И мне сразу подумалось, что он один стоит двух румяных братьев Тимохиных.

Кузьма, кстати, наоборот, с недовольным видом смотрел на Азата.

— Беру всех троих, — сказала я, — вы двое здесь, на воротах, чужих, кроме работников не пускать. Азат, ты с нами.

Но всё-таки решила спросить Кузьму, почему он морщится.

— Да пришлый он, — сообщил мне Кузьма, когда мы отошли в сторонку.

— Семья у него есть? — почему-то мне показалось, что не так просто Азат пришёл наниматься. Чужаку всегда сложно, особенно в деревне.

— Есть, — кивнул Кузьма, — жена и двое ребятишек.

— Жена тоже... смуглая? —

— Нет, — ответил Кузьма, — нашенская, светленькая, худенькая, улыбчивая.

А я подумала, что вот и ответ. Скорее всего поженились против воли родных и ушли, а смугляк-то не крестьянин. Непонятно только почему в деревне осели, в городе-то проще.

Закончив с наймом, мы пошли по хорошо утоптанной дороге и вскоре вышли на перекрёсток, с которого открывался вид на речку.

Речка здесь делала поворот и в месте поворота через речку был мост.

— В этом месте Берёзовка узкая, вот дед ваш и построил мост здесь, — прокомментировал Кузьма.

Пасека находилась на другом берегу. Сразу после моста, тропинка шла наверх.

Пасечник, которого звали Степаном, рассказал, что место отличное, весной вода не заливают, а переносы можно делать быстро, потому как с одной стороны, поля засевают то гречихой, то рапсом, то под парами держат, а с другой лес, и мёд получается разный.

Поднявшись наверх по тропинке, мы вскоре увидели большую поляну, на которой как-то сиротливо торчали пара десятков ульев, и с дальней от нас стороны было что-то вроде сарая.

Я подумала, что вроде нормально, двадцать ульев, это же много? Но на всякий случай спросила:

— А много ли ульев украли?

— Много, — ответил Степан, — здесь было сто ульев, а осталось, сами видите, от силы треть.

«Ну народ, — подумала я, — растащили»

А Степан между тем продолжил:

— Мы же с Иваном Андреевичем все улья в омшанник* на зиму убрали, так, когда несчастье-то случилось, погода пошла, я всё-всё продолжал делать, хотя мне и не платили, но пчёлы же живые, жалко их.

*(*Чаще всего это подземное или заглубленное в землю строение, где оборудуется система вентиляции, поддерживается температура не ниже -4°C)*

Я обратила внимание на то, что Степан в отличие от того же Кузьмы говорит почти что по-городскому, слов почти что не коверкает.

Кузьма кивнул:

— Мёд давали пчёлкам-то, подкармливали родимых

— А потом, смотрю, — тон Степана стал возмущённый, — сперва один, улей пропал, потом пять, а потом-то я приболел, через неделю прихожу, а здесь...

И он махнул рукой, мол и так всё видно.

— А сможешь ли опознать наши ульи? — спросила я

— Конечно смогу, своими руками делал, — Степан даже оживился.

— Тогда сделаем так, — сообщила я, и пару мгновений подумав спросила — есть же в деревнях староста?

— Есть, конечно, — кивнули и Кузьма, и Степан

— Вызывайте ко мне, — я не знала имею ли право на это, но полагала, что раз земли, на которой стоят деревни, принадлежит Стрешневым, наверное, да.

Не хватало мне знания какие финансовые отношения у меня с крестьянами, не могут же они просто так пользоваться принадлежащей мне землёй.

Уже уходили, я у Степана спросила:

— А раньше, когда брат был жив, ульи пропадали?

— Нет, госпожа, — Степан отрицательно помотал головой, — брат ваш только первый год, когда урожай собирали с ульев, тогда только нанимал двух охранников из города, а в остальное время нет.

А я подумала, что непросто так брат Фаины нанимал охранников из города. Деревенские может недорого берут, но вот придут их соседи и что, не будут же они в них из ружья стрелять?

Я-то им никто, а в этой деревне они всю жизнь живут.

По пути обратно Полинка устала и я хотела взять её на руки, но Кузьма так на меня взглянул, что я отступила. Хоть и старый дед, а крепкий ещё. Так и донёс девочку.

Я смотрела на засыпающую на руках у Кузьмы Полину и думала о том, что Полина улыбалась, прыгала и с удовольствием сгрызла сахарного петушка, которым угостил её Степан, в общем вела себя, как обычный ребёнок в четыре годика, но только не говорила.

По дороге, на руках у Кузьмы, Полина всё-таки уснула, дома её уложили, я не стала будить, решила, что пообедаем, когда проснётся.

А я спросила у Кузьмы:

— Был ли кто-то у брата, кто знал всё хозяйство? Управляющий?

Кузьма сказал, что на постоянной основе никто в имении не жил, но раз-два в месяц господин ездил в город с бумагами.

Но к кому ездил, Кузьма не знал.

Старосты, их было двое, прибежали, Полина ещё не проснулась, и мне пришла в голову мысль: — «Что-то нечисто».

Решила блефовать. А что делать, нам с Полиной надо выживать, а как выжить, если ночью не пойми кто по имению шастает, теперь ещё неизвестно, что с тем «застреленным», да ещё и пасеку разграбили. Денег, которые выделил Порываев надолго, не хватит.

Понятно, что можно будет из банка взять ещё, но всё же я привыкла зарабатывать сама, не зависеть ни от кого, а то, кто Порываева знает, найдёт себе другого партнёра посговорчивей и всё.

А здесь в имении есть на чём заработать, надо только вернуть добро. Как говорится: — «Нам чужого не надобно, но своё нам верните».

— Итак, господа хорошие, — я посмотрела на старост, стоящих передо мной, своим бухгалтерским взглядом, каким смотрела на главного инженера, когда на руднике работала, когда его темпы амортизации оборудования шахт, не совпадали с отчётными, — где мои улы? Почему никто не позаботился о хозяйском добре? И денег за землю я что-то тоже не вижу, чтобы сдавали?

Один староста из Пышминской, был крестьянин-крестьянин, просто как с картинки, и лицо такое хитровато-постное, и рубаха простая, но чистая, весь какой-то серый, но если взглянуть, то сукно новое, сапоги добротные, явно не бедствует.

Второй, из Становской, тоже бедным не выглядел, но и не скрывал этого в отличие от первого. И рубаха из белёного сукна, и сапоги новые.

— Госпожа, так мы всё што надо собирали, — начал говорить староста из Пышминской, при этом оглядываясь на своего «коллегу». Тот важно кивал.

Видя, что я слушаю, что говорит староста Пышминской и не перебиваю, второй тоже осмелел и добавил, даже не скрывая что факт воровства ульев был:

— Госпожа, улы счас же народец привезёт обратно. Это ж не со зла, просто ж мы думали, што всё...

И замолчал.

А мне стало интересно, почему это они «думали, что всё». Я и спросила.

— Тык, из Екатеринбурга же приехал господин Белоусов и сказал, што ...

И в этот момент я заметила, как первый, который, видимо, был похитрее, будто бы случайно наступил на ногу второму. И тот замолчал.

— А кто это? Господин Белоусов?

Видно было, что не хотелось мужикам отвечать, но на прямой вопрос не ответить не могли:

— Стряпчий господина Нурова.

А я подумала, что надо бы мне воспользоваться приглашением и съездить к господину Нурову.

Глава 11.

Сказано-сделано.

Старостам велела проследить, чтобы все ульи были возвращены. Так и сказала:

— К тем, кто в течение суток привезёт ульи и под отчёт сдаст Степану, и, если, конечно, с пчёлами всё будет в порядке, к тем претензий иметь не буду. А у остальных будут проблемы.

Повернулась к Степану, посмотрела на него и поняла, что старосты могут и надавить на мужчину, поэтому строго добавила:

— Потом сама проверю, что всё принято так, как должно, без фальсификации.

Старосты даже вздрогнули, услышав незнакомое слово, но переспросить не решились.

Обращаясь к старостам, добавила:

— Подготовьте мне за прошедший период отчёт, с кого и сколько. Да, и завтра в город поеду, транспорт нужен.

Староста, который похитрее, с Пышминской, подсуетился быстрее:

— Завтрева пришлю вам коняшку, госпожа, только господской повозки-то у нас нет.

— Как зовут? — я вдруг поняла, что забыла спросить имена

Оказалось, что старосту Пышминской звали Прохором, а староста Становской сообщил, что его «Мироном кличут».

Я сразу представила себе, как я завтра в город на телеге въеду, верхом-то не умею, да и не в чем. Среди платьев своих ничего похожего на амазонку или что-то удобное для езды верхом не нашла.

Но староста Становской тоже был не лыком шит:

— А у меня как раз повозка имеется, токмо открытая она, да ведь сейчас лето, ехать недалеко.

Я кивнула, не стала выпрашивать, хотя и хотелось, откуда у деревенского старосты господский экипаж:

— Вот и ладно, значит завтра утром жду подготовленный выезд.

Обратила внимание на то, что Кузьма как-то странно отреагировал, но решила, что потом спрошу.

Старост выпроводили, а там уже и Полина проснулась, и поздний обед подоспел.

Не ошибся Кузьма, готовила Екатерина, как звали тоненькую девчонку, потрясаяще. Возможно, ещё сыграло свою роль то, что мы нагуляли аппетит, проведя почти весь день на улице, но и мы с Полиной, и Кузьма, и Степан, которого я пригласила за стол, и охрана, которым накрыли чуть позже и за другим столом, ели, как «в последний раз».

Захотелось спать, но у меня по плану была ещё баня, теперь, когда в имении было много людей, мне не было страшно. Но встал ещё один вопрос.

Нужны были ночные дежурства. На сегодняшнюю ночь ещё утром сговорились, что все остаются, а на следующие как?

Понятное дело, что мне нужна была охрана с проживанием. Братья-молодцы не сильно подходили, военного опыта нет, да и работу эту они рассматривали больше, как временную.

Ближе к вечеру поговорила с Азатом. Предложила ему вместе с женой перебраться в имение, и подумать кого ещё можно взять в охрану.

Фактически я предложила Азату возглавить мою охрану. Поймёт, воспользуется возможностью, значит не дурак, значит сработаемся, не поймёт, буду искать.

Я уже подумала о том, что надо бы написать письмо моему «партнёру». Пока из всех тех, кто мне встретился, Алексей Порываев был самым адекватным и понятным, а ещё ему, похоже, ничего скрытого от меня не надо было. И я решила завтра в городе заехать на почту и отправить Алексею письмо с просьбой. Может он пришлёт мне какого-нибудь толкового человека.

В баню я всё-таки пошла, и не одна, Полинку с собой взяла, повариху и... охрану.

Охрана правда не парилась, а охраняла. Главным над охраной, пока состоящей из трёх человек, я назначила Азата. Розовощёким братьям это не очень понравилось, но возражать мне никто не осмелился.

Вот я всегда знала, что важно сразу поставить себя.

Сила — это понятие не реальное, это больше восприятие, то, как тебя воспринимают. Ты можешь быть в два раза меньше стоящего перед тобой бугая, но, если он воспринимает тебя сильнее, то и сила будет на твоей стороне.

Дом, конечно, за день весь отмыть не удалось, но прогресс было видно, окна плотник пообещал в течение недели поставить, а «бригада мойщиц», пообещала в течение этой же недели всё отмыть и отстирать.

С утра мой выезд, состоящий из двуколки, в которую была запряжена одна лошадь, стоял во дворе имения.

Вокруг него с недовольным видом ходил Кузьма.

Я накануне забыла его спросить, что не так с «господским экипажем», а сегодня он сам мне сказал:

— Повозка ента, барышня, вашего брата, хочь чего делайте, а я её узнал.

— А когда она пропала? — спросила я Кузьму, понимая, что возможно крестьяне не только улы «поперли», но и из дома, что могли вынесли, во главе со старостой. Только вот мне одно было не понятно, он что совсем бесстрашный, не боится, что я за кражу на него в полицию подам.

Но оказалось, что кроме Кузьмы подтвердить чья двуколка и некому. Потому как брат мой, Иван Андреевич Стрешнев, кучера и конюшего не держал, лошадка у него была одна и ухаживал за ней он сам, так же, как и сам этой двуколкой правил.

«Да, — подумала я, — не жировал братец, жил скромно, капиталами отца не пользовался, своих не нажил».

В город мы поехали все вместе. Как бы ни хотелось мне оставить Кузьму на хозяйстве, следить за имением, но в городе он был мне нужнее, по крайней мере кивнёт, когда знакомые лица увидит. Полину тоже с собой взяла, понимала, что девочке будет тяжело по-быстрому туда-обратно, но одну её оставлять не хотела. И сопровождать нас поехал мой новый «начальник охраны» Азат, у которого была своя лошадь. Увидев утром Азата въехавшего во двор имения верхом, я поняла, что моё первое впечатление было верным, крестьяне так верхом не ездят. Передо мной был воин, который ездить на лошади научился раньше, чем ходить.

Уж и не знаю, благодаря ему или тому, что они сегодня ночью по очереди все дежурили вместе с братьями-молодцами, только ночь прошла спокойно, без происшествий, и я, наконец-то, так хорошо выпалась, что с утра чувствовала себя просто заново родившейся.

Погода была чудесная. Такое бывает только летом, особенно когда вдоль дороги лес, перемежающийся с полем, и воздух, который ты вдыхаешь в лесной части, можно пить, потому что там столько всего намешано: и ароматы земли и воды, и листвы, и хвои, а потом выезжаешь на открытую часть, а там ветерок, он ещё не жаркий, потому что утро, но уже и не холодный потому что лето, и запах травы и клевера, и полыни. И многоголосье птиц.

Двуколка была в очень хорошем состоянии, оказалось, что у неё ещё раскладывался верх, так что мы ехали в полном комфорте, укрытые от солнца.

До города добрались без проблем и в первую очередь заехали на почту. Письмо для Алексея у меня уже было написано, так что я его сразу же и отправила. А потом поехали к градоначальнику, к господину Нурову Михаилу Ананьевичу.

У него хотела выяснить, кто вёл дела моего брата, чтобы не обходить все канцелярии в поисках того, кого мог «опознать» Кузьма.

А ещё мне нужно было помещение под лавку, в которой я хотела продавать мёд и продукты пчеловодства. Я ещё вчера выяснила, что у меня могут быть проблемы с большими объёмами, а это значит, что перекупщикам мне, возможно, будет нечего предложить, а вот самой открыть лавку в которой продавать мёд и всё, что к нему прилагается, может даже косметические средства и всякое для красоты и здоровья от пчёл, почему нет? Идей у меня было много.

Дом Нурова был расположен центре Екатеринбурга. Красивый, двухэтажный особняк, с окнами, украшенными лепниной в виде переплетённых цветов, посередине въездная арка с воротами, по бокам статуи маленьких ангелочков, которые сделаны в виде атлантов.

Дом оказался гостеприимным, охрана на входе, услышав моё имя, долго нас на улице держать не стала, ворота распахнули, и пустили двуколку во внутренний двор.

Нас с Полиной слуга в красивой ливрее пригласил пройти в лом, а коляску быстро куда-то отвезли, ну а вместе с ней и Кузьму, который махнул мне «мол не переживайте, не впервой».

Самого Михаила Ананьевича дома не было, но супруга его ожидала к обеду.

Мне супруга градоначальника понравилась, довольно молодая, я бы ей дала от тридцати до тридцати пяти, добродушная, улыбчивая, полная, но не рыхлая. Полнота ей шла, она была какая-то вся очень женственная, без «острых углов».

Очень обрадовалась, увидев Полину, усадила нас, приказала принести лёгкие закуски и извиняющимся тоном сказала:

— Простите сердечно, что мало угощаю, очень рассчитываю, что останетесь на обед, тем более что только так можно вам будет Михаила Ананьевича увидеть, после обеда он сразу может уехать по делам.

Раиса Леонтьевна, так звали супругу градоначальника, сама заговорила о моей ситуации, но как только она начала говорить, так у меня «пропал дар речи».

— Брата вашего я знала, хороший был человек, женился на женщине с ребёнком, удочерил сразу. Я ему в том помогала.

— Кого удочерил? — спросила я, почувствовав, что не могу сглотнуть, ставшую вдруг вязкой, слюну.

Глава 12.

— Кого удочерил? — спросила я, почувствовав, что не могу сглотнуть, ставшую вдруг вязкой, слюну.

— Полину, — удивлённо ответила мне Раиса Леонтьевна.

Полинка, услышав своё имя, подняла белобрысую головку, отвлекаясь от перебирания маленьких пирожков, и захлопала глазёнками.

— Мою Полину? — всё ещё не в силах поверить в услышанное переспросила я.

— А вы не знали? — Раиса Леонтьевна понимающе улыбнулась.

— В документах не было, а больше мне и неоткуда было узнать, — пожала я плечами, размышляя о том, как всё непросто в семье Стрешневых.

— Это для вас... важно? — на добродушное лицо Раисы Леонтьевны набежала тень, — важно, чтобы девочка была родной крови? Вы теперь откажетесь?

Я даже задохнулась от возмущения:

— Нет!

Громко получилось и Полинка вздрогнула, посмотрела на меня строго: — «Мол, ты чего, совсем с ума сошла?!»

Я обняла её и прижала к себе так, как будто бы, кто-то собирается у меня её отнять:

— Нет, — уже спокойнее произнесла я, — Полинка моя племянница, и мы с ней родня.

Мне показалось, что Раиса Леонтьевна мне не поверила, а мне почему-то очень хотелось, чтобы именно она мне поверила:

— Я не потому, что наследство...

Вдруг женщина улыбнулась и мягко произнесла:

— Я знаю, ведь Полина наследует только дом, землю-то только в роду передавать можно, и земля эта и так ваша.

«Ничего себе подробности, — задумалась я, — а почему этого не было в документах, полученных мною от нотариуса в Петербурге?»

— А вы опекунство вы уже оформили? — прерывая мои размышления, спросила Раиса Леонтьевна

— Да, оформила, иначе бы мне в приюте девочку бы не отдали, — я колебалась говорить про мои ощущения, что с меня денег вымогали и нет, но всё-таки решила сказать, тем более что эти «работники приюта» напихали в мешок такой хлам, что даже деревенские брать отказались.

И об этом я тоже рассказала. И теперь, глядя на расстроенную супругу градоначальника испытывала неловкость, что невольно стала причиной огорчения прекрасной женщины.

— Раиса Леонтьевна, да вы не расстраивайтесь, отнеситесь к этому так, что хорошо, что узнали, теперь можно этим управлять.

Раиса Леонтьевна с интересом взглянула на меня:

— Вы удивительно мудры для своего юного возраста.

А я усилием воли захлопнула рот, чтобы не выдать себя ещё какой-нибудь мудрой мыслью.

Разговор плавно перетёк на мои планы, я поделилась своей идеей аренды лавки, и производства косметических изделий.

Раиса Леонтьевна заинтересовалась:

— Знала, что мёд полезный, но о таком использовании слышу впервые.

А я возьми и скажи ещё одну свою «мудрость»:

— Да получше французских средств будет, наше же всё, натуральное.

И сразу подумала, что надо бы мне тоже, как и Поинка, пирожки в рот напихать, чтобы поменьше «мудрствовать».

Но на удивление эта фраза оказалась решающей, потому как Раиса Леонтьевна с энтузиазмом подхватила:

— Согласна с вами, Фаина Андреевна, слышала, что модницы столичные за эти французские эликсиры громадные деньжищи платят, а нам надо свои делать, лучше.

Внутри у меня зрела уверенность, что Раиса Леонтьевна сильный союзник и теперь у меня шанс заполучить хорошее помещение под лавку гораздо выше.

И только мы решили продолжить «сплетничать», как дверь открылась и широким уверенным шагом хозяина в гостиную вошёл господин Нуров Михаил Ананьевич.

— А я думаю, что это за гости у нас, — проговорил он своим зычным голосом и вдруг достал из кармана сахарного петушка, которого, впрочем, у него сразу перехватила Раиса Леонтьевна.

— Сначала обед, — строго сказала она, но улыбка на лице показала, что мужу она очень рада.

Поинка же, увидев, что петушок достался не ей, попыталась скуксится, но Раиса Леонтьевна сказала:

— Петушок твой, лапонька, но после обеда. Ты же есть хочешь?

Девочка закивала.

— Вот и ладненько, погодите пять минут, я скажу, чтобы накрывали, — и Раиса Леонтьевна выплыла из гостиной, оставив нас с Полиной с Нуровым.

— Здравствуйте, Фаина Андреевна, рад, что так скоро решили посетить нас, — широко улыбнулся Нуров, — как вам имение?

— Я как раз об этом и приехала поговорить, — сразу перешла я к делу.

— Продать не надумали? — Нуров тоже о своём.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет, всё-таки родовое имение, жалко

Нуров не стал уговаривать меня так, как пытался делать в поезде, но лицо его стало выглядеть более постно что ли, будто бы он утратил интерес к беседе.

А я подумала, что хорошо я уже поговорила с Раисой, «зацепила» своей идеей.

— У меня к вам две просьбы, Михаил Ананьевич, — Нуров всячески изображал отсутствие интереса.

Но я решила продолжать, в конце концов не скажет сам, отправит к секретарю или к помощнику.

— Мне нужно имя того, кто помогал брату с учётом финансов по хозяйству, — твёрдо произнесла я, заметила удивление в глазах Нурова, и решила его «добить», — и второй вопрос, даже не вопрос, а просьба.

Здесь взгляд Нурова снова изменился, на скучающе-понимающий «мол, ясно всё, денег пришла просить».

— Хочу открыть лавку торговую в Екатеринбурге, нужно помещение на проходном месте, но, чтобы хотя бы по первости не дорого.

Подумала, что наглеть так наглеть.

И, судя по реакции Нурова, удалось мне его сильно удивить.

— В торговлю значит решили пойти, Фаина Андреевна? — вдруг улыбнулся он

Но я не успела ответить, дверь открылась и вошла Раиса Леонтьевна:

— Обед на столе, мои хорошие, пойдёте в столовую.

На обед у Нуровых всё было по-домашнему, капуста квашеная, грибочки, щи с потрошками. На горячее подали мясной рулет, похожий на кулебяку, только внутри не яйцо, а тоже

рубленные потрошка с черносливом. Вкусно было очень. Я даже подумала, может, когда дом отремонтирую, попросить, чтобы нашу повариху Катю на стажировку на недельку взяли.

Но это может и подождать, а пока мне надо было получить ответы на свои вопросы.

И вот пока ждали десерт, Нуров сам заговорил, обращаясь при этом к супруге:

— Рая, представь себе, Фаина Андреевна решила торговлей заняться, сама лавку открыть хочет.

Не знаю, на какой эффект сам Нуров рассчитывал, но явно не на то, что Раиса Леонтьевна скажет:

— А я вот, Миша, полностью поддерживаю это начинание, тем более что идеи Фаины Андреевны, — и она мне одобрительно кивнула, — весьма прогрессивны и востребованы.

Нуров даже заёрзал, и, наконец-то, посмотрел на меня, и в голосе у него зазвучала заинтересованность:

— А что за идеи, позвольте узнать?

— Мёд и продукция для красоты на основе продуктов пчеловодства.

Выражение лица Нурова снова стало меняться на скептическое, но Раиса Леонтьевна вдруг произнесла:

— Я вот по совету приятельницы своей давней, фрейлины Её Императорского Величества, смотрела, чтобы выписать себе из Парижа такое средство, ты Миша ещё сказал, что дорого, помнишь?

Михаил Ананьевич схватил высокий бокал с морсом и выпил сразу половину:

— Это не то ли средство за пятьсот рублей за флакончик?

— То самое, — кивнула Раиса Леонтьевна и, я вдруг чётко поняла выражение «Муж голова, а жена шея».

Вот прожила же жизнь, а каждый раз по-новому всё открывается.

В общем после обеда и шикарного десерта, на который подали мороженое, настоящее, из ягод и сливок, а я окончательно определилась с тем, что на «стажировку» Катю надо отправлять, господин Нуров пригласил меня к себе в рабочий кабинет.

А Раиса Леонтьевна ободряюще улыбнулась и сказала:

— Идите, Фаина Андреевна, я с Полиной посижу.

В кабинете, без присутствия супруги, тон градоначальника стал более сухим и требовательным.

Ну так даже лучше, по-деловому о бизнесе.

Сначала Нуров написал мне имя и адрес человека, который помогал с управлением брату:

— Вот, Фаина Андреевна, тот кто вам нужен, здесь недалеко, в паре кварталов.

После чего Нуров сложил руки в замок, откинулся в своём большом кресле и пристально на меня посмотрел.

— Правда ли, что вы собираетесь делать то, о чём рассказывали моей супруге?

— Правда, Михаил Ананьевич

— А откуда вам известны составы эликсиров?

Я вспомнила «Семён Семёныча*» и ответила так же:

— Оттуда

(*Семён Семёнович Горбунков – персонаж из к/ф «Брильянтовая рука»)

И на удивление это сработало. Уж и не знаю, что такого было в биографии Фаины, только господин Нуров мне всё-таки поверил.

— Есть одно помещение, я вызову помощника он вам покажет.

И я задала ещё один волнующий меня вопрос:

— А арендная плата?

— Первые три месяца бесплатно будет, а потом сто рублей в месяц, — ответил Нуров

— А что так дешево? — я хорошо помнила, что такое «бесплатный сыр»

— Так мы же с вами будем партнёры, — вдруг заявил мне этот глава города

— А если не будем? — решила я уточнить

— А если не будем, тогда зачем мне вам помогать, идите и ищите помещение под свою лавку, — и Нуров особенно выделил слово «свою».

— И сколько вы хотите? — осторожно спросила я

— Пятьдесят, — заявил этот «торгаш».

— Могу предложить пять, — не моргнув глазом выставила я встречное предложение.

От смеха Нурова даже люстры на потолке затряслись, но отсмеявшись он стал серьёзен и выставил своё:

— Меньше сорока мне неинтересно

Я решила, что надо расширять торг, а то так мы не договоримся, и заявила:

— Восемь и не три месяца бесплатно, а шесть

Судя по всему, процесс стал доставлять Нурову удовольствие, потому что он вместо того, чтобы распрощаться с несговорчивой «нахалкой» в моём лице, вдруг ударил ладонью по столу:

— Только для вас, Фаина Андреевна, тридцать и четыре месяца бесплатно

Ну не лишать же мужчину удовольствия, я и продолжила:

— Ну раз мы партнёры, Михаил Ананьевич, то только для вас, десять и пять месяцев бесплатно

В результате сошлись мы на двадцати, и семи месяцах бесплатной аренды.

— Вот уже не думал, получить такое удовольствие сегодня, торгуясь с дворянкой, — про-басил Нуров, — хотя говорят, что дед ваш мог даже турка уторговать, может в вас и возродился сей талант.

«Ага, — подумала я, — это не талант, а годы упорных тренировок»

Михаил Ананьевич вызвал помощника. Молодой паренёк, весьма расторопный, сразу понял, что надо делать. Но до окончательного оформления мне хотелось посмотреть помеще-ние. Тем более, что Нуров расщедрился и дал возможность выбора из двух вариантов.

Мы вышли из кабинета, и я пошла за Полиной, таскать с собой по городу девочку не хотелось, но я боялась, что она обидится, что я её оставила в чужом доме.

Но меня встретила Раиса Леонтьевна, жестом показав, чтобы я не шумела. Полина спала, уморившись после дороги и вкусного обеда.

— Езжайте, — шёпотом произнесла Раиса Леонтьевна, — я присмотрю.

Глава 13.

Вместе с помощником Нурова, Елисеем, который был племянником управляющего Нуровским салотопенным заводом, посмотрели два помещения. Оба были хороши.

У каждого были свои достоинства и недостатки. В одном были огромные витрины, где можно было красиво расставить продукцию, зато другое было расположено на улице, напротив нескольких женских магазинов и, судя по всему, не дешёвых.

Стремление быстро заполучить покупателей пересилило желание украшать витрины, и я выбрала лавку на оживлённой торговой улице.

Елисей пообещал подготовить все документы и привести помещение в порядок, и осторожно поинтересовался, что я собираюсь там продавать, я вкратце рассказала, без подробностей, и предприимчивый парень предложил свои услуги ... по подбору оборудования и людей.

Я тоже осторожно попросила посчитать, сколько будет стоить оборудование. Прилавки-то в лавке были установлены и для начала, чтобы мёд продавать, это было вполне нормально.

Но товары для красоты, конечно, надо было выделить, нужны были дорогие зеркальные прилавки и панели. В воображении возник «тестовый зал» с туалетными столиками, где богатые покупательницы могли бы «побаловаться» с тестерами. Понятное дело, что к самым известным, придётся ездить домой, и там всё демонстрировать, но меня это не пугало, наоборот, я испытывала чувство радости, оттого что знаю, что делать. Конечно, как делать косметические средства я не знала, одно дело масочку для себя дома намешать, а другое дело сделать средство, которое какое-то время должно сохранять свои свойства, да ещё и не вызвать аллергии или не желательных реакций.

Но я рассчитывала найти какого-нибудь аптекаря или химика, с которым смогу скооперироваться.

Потому что я примерно знала состав, но чем его стабилизировать и что добавить, чтобы не портилось, я не знала.

Несколько пугало то, что градоначальник стал мне помогать. Я не могла отделаться от ощущения, что это всё не по-настоящему и поняла, что ищу подвох. Пока не находила. Он так сперва активно отговаривал меня оставаться здесь, а теперь и помощника выделил, и помещение хорошее предложил, да и условия нормальные.

В конце концов сама себе нашла объяснение, что Нуров коммерсант, и, возможно, «почуяв» прибыль пока решил отказаться от первоначального плана.

После того как мы договорились о дальнейших шагах по выбранному помещению, Елисей проводил меня до здания доходного дома, который находился по пути в мэрию, куда и возвращался парнишка, и в котором находился кабинет Кирилла Матвеевича Угрюмова. Он был управляющим, который вел дела моего брата.

Я огляделась в небольшом помещении на первом этаже было несколько кабинетов, и я подозревала, что люди, чьи имена указаны на табличках все занимаются примерно тем же, чем и господин Угрюмов, а именно оказывают различные услуги по бухгалтерии.

Дверь в кабинет господина Угрюмова находилась в самом конце коридора.

Подойдя к двери, стучать не стала, а сразу нажала на ручку, чтобы открыть.

Дверь открылась сразу, и передо мной образовалась картина, напоминающая не очень хороший архив. Где в шкафах, и на полу, и на столах, в общем на всех поверхностях лежали перевязанные бечёвкой стопки бумаг.

Посередине всего этого бедлама стоял стол, за которым сидел мужчина, мужчина меньше всего соответствовал моему представлению о человеке, фамилия которого была Угрюмов.

Нет, он не был веселым или добродушным. Просто, когда я услышала фамилию Угрюмов, то мне представился высокий, может быть даже кряжистый крупный мужчина. А в кабинете сидел небольшого роста, худой, лысоватый человечек.

В комнате пахло какими-то прогорклыми шами, которые, видимо, этот человек и ел из тарелки, которая стояла прямо среди документов на столе.

«Хотя бы окно бы приоткрыл,» — подумала я, морщась от неприятного запаха.

В тот момент, когда я зашла, мужчина как раз нёс ложку ко рту, увидев меня, поперхнулся, ложка упала в тарелку и брызги разлетелись, жирными пятнами «украшая» лежащие на столе бумаги.

— В-вы ко мне? — вытирая рот тыльной стороной кисти, спросил мужчина.

Я, стараясь дышать ртом, высокомерно произнесла:

— Если вы Угрюмов Кирилл Матвеевич, то я к вам

— Погодите, барышня, я сейчас, — и он вскочил, убирая тарелку с недоеденным супом на пыльный подоконник, на котором тоже лежали бумаги, откуда-то из-под бумаг достал ненадёжный на вид стульчик, вытер его рукавом и поставил перед своим столом:

— Вот, пожалуйста, барышня, садитесь

— Окошко приоткройте, душно у вас — сказала я, больше не в силах сдерживать дыхание

И вдруг он весь сжался:

— Не могу я окошко, здоровье у меня слабое, а ну как продует меня, кто моих деток-то кормить будет? — выдал этот «любитель щей».

Я закрыла дверь, смиряясь с неизбежным, но надеясь, что спёртый воздух этого ужасного кабинета, хоть немного уже смешался с воздухом из коридора.

Подошла к столу, покосилась на поставленный стул, отметила, что пыль со стула никуда не делась, и поняла, что, если сейчас сяду, то ходить мне до вечера, с пятнами на юбке, и осталась стоять.

— Моё имя Фаина Андреевна Стрешнева, и меня интересуют все бумаги по имению, которое перешло мне от брата.

Говорила, а сама следила за Угрюмовым. По мере того, как он осознавал, кто перед ним и что я говорю, дыхание его начало учащаться, глаза стали бегать слева-направо, рука непроизвольно потянулась к носу, а на лысине его стали появляться красные пятна. «А мужик-то в стрессе,» — пришла отчего-то веселая мысль.

И я взяла паузу.

— К-какие бумаги? — вдруг раздался жалкий голос

— Ну как же, Кирилл Матвеевич, — усмехнулась я, — вы же вели бухгалтерию по работе пасеки по арендованной земле, вот эти бумаги мне и нужны.

Внутри меня, ещё только когда увидела этого внешне неприятного человека, зародилось сомнение в его честности и порядочности, но я не привыкла судить людей по внешности, поэтому всё-таки решила дать ему шанс.

Но вот его вопрос о том, какие бумаги, сразу же показал, что первое впечатление было верным, дрянной человечиска.

— А-ах, по пасеке! — неожиданно обрадовался Угрюмов, — так пропали они

Я оглядела его заваленный кабинет:

— Куда пропали?

— Не знаю, — пожал плечами мужчина, — я их давно не видел.

— А по земле? — если он думал, что я просто так уйду, то он ошибался

— По земле поищу, барышня, завтра сможете прийти? — в голосе у Угрюмова вдруг появилась какая-то развязность, будто бы он почувствовал себя «хозяином положения».

«Не на ту напал!»

Я мило улынулась:

— Конечно, Кирилл Матвеевича, завтра могу, но в таком случае приду с представителями сыска.

И я развернулась, делая вид, что ухожу. Про себя начала считать секунды: раз, два...

— Стойте, — вдруг раздалось из-за спины, — ну зачем е сразу в сыск? Мы же с вами приличные люди, может всё обсудить без представителей.

Я повернулась и жёстко проговорила:

— Я не вижу, что вы готовы всё обсудить, напротив, вы заставили меня стоять здесь в вашем вонючем кабинете и не ответили ни на один вопрос. Полагаю, что не только сыск, но и соответствующая коллегия тоже должна узнать, что вы позорите их репутацию.

И снова развернулась.

— Постойте, пожалуйста, Фаина Андреевна, — на этот раз тон Угрюмова стал жалостливый, — не губите, у меня же дети, я сей же час вам всё найду.

Я не собиралась сидеть и наблюдать как он в этом своём бардаке ищет мои документы, но и уходить не хотелось, кто его знает, вдруг я потом его не найду. Потому скрепя зубы сказала:

— У меня есть десять минут, ищите.

Десяти минут Угрюмову, конечно, не хватило, но через двадцать минут я вышла на свежий воздух, пропахнув его вонючим кабинетом и держа в руках довольно увесистую папку, напоследок сказала:

— Через два дня жду вас Кирилл Матвеевич у себя в имении, к тому времени документы проверю.

Я не знала приедет ли этот горе-бухгалтер, который скорее всего обкрадывал моего брата, или нет, но я к нему в кабинет больше не собиралась.

У меня было ещё одно дело. Я хотела зайти в местное отделение сыска, мне надо было узнать подробности дела убийства брата и его жены, а ещё я хотела договориться об охране и рассказать о ночном нападении.

Глава 14

До отделения полиции, которая здесь называлась сыскным отделением, от доходного дома было пару кварталов, и я решила пройти пешком. Правда, район был не очень благополучный, но было светло, довольнолюдно, а мне хотелось прогуляться, потому что казалось, что у меня даже платье пропахло кабинетом Угрюмова.

Шла по основной улице и уже видела впереди перекрёсток, с центральной улицей города, на которой и находилось отделение, как вдруг со мной кто-то поравнялся, и я даже не успела ничего сообразить, как мою сумку из рук сильно дёрнули, и я, не ожидавшая этого, не удержала, и растерянно застыла, глядя вслед убегающему человеку, уносящему с собой сумку со всеми моими документами по имению, которые я с таким трудом получила от Угрюмова.

Деньги в сумке тоже были, но немного, мелочь. Основные-то, я по наущению Кузьмы, спрятала совершенно не по-дворянски, зато надёжно.

Улыбнулась, вспомнив, как старик, краснея и заикаясь, советовал:

— Барышня, деньгу-то приберите так, чтобы не светить.

Но я сразу догадалась о чём старик говорит. Конечно, в моём платье были карманы и достаточно глубокие, но так как Кузьма советовал, ещё моя бабушка прятала, поэтому я не стала противоречить.

А вот сейчас я пожалела, что не взяла с собой к бухгалтеру Кузьму, изначально же именно для этого его в город и потащила, да так обрадовалась, что помещение хорошее нашла, что совсем из головы вылетело, прям как раньше, привыкла всё сама.

Я даже попыталась бежать за грабителем, который скорее всего выкинет мои документы, разозлившись, когда не найдёт в сумке ничего ценного.

— Стой! — крикнула я, — стой!

На другой стороне улицы шли люди, и многие видели, что произошло, но никто особо не среагировал ни на то, что я бежала, ни на мой крик, из чего я сделала вывод, что подобное явление на таких улицах не редкость.

Я видела, что навстречу бегущему идут люди и снова крикнула:

— Остановите его!

И кто-то из мужчин даже попытался, но юркий парень легко увернулся.

Я подумала, что сейчас он свернёт на перекрёстке, а там побольше людей, и больше шансов его остановить. И я поднажала.

Но парень, вопреки мои ожиданиям, свернул в одну из подворотен раньше.

И я, добежав до этой подворотни, остановилась, раздумывая, стоит ли мне зайти в неё, посмотреть, вдруг парень там уже распотрошил сумку и выкинул мои документы.

«Вот было бы здорово!» — подумала я.

И, конечно же, я всё-таки рискнула.

Подворотня была полутёмная, и уходила в глубину метров на десять. Со стороны улицы казалось, что там никого нет.

Я решительно вошла в подворотню и двинулась внутрь. Чем ближе я подходила к другой стороне, тем яснее мне становилось, что там во дворе-колодце кто-то разговаривает.

Я вплотную приблизилась к стене и стала мелкими шажками продвигаться, одновременно прислушиваясь. Слов было не разобрать, но мне показалось, что говорили несколько мужчин. Первым желанием было развернуться, дойти до отделения сыска и потом вернуться сюда с каким-нибудь городовым или околоточным, или, как они здесь называются.

Но я не знаю, что на меня нашло, откуда во мне появилась вот эта авантюрная смелость, или уверенность, что со мной ничего плохого не случится, что я не стала разворачиваться и продолжила двигаться вперёд. И когда мне оставалась всего пара шагов до выхода из подво-

ротни, откуда я собиралась хоть одним глазом посмотреть, кто там разговаривает во дворе, навстречу мне вышло трое разбойного вида мужчин, и один из них был мой грабитель, но в руках у него уже не было моей сумки...

Глава 14 (продолжение)

— Так-так, значит обманываем честных воров? — вдруг развязно произнёс один из них, улыбаясь щербатым ртом, у него не хватало верхнего зуба слева, заметила я машинально.

Они начали меня окружать.

Я прижалась спиной к холодной стене подворотни, лихорадочно соображая, если я отдам им все деньги, оставят ли они меня в живых или нет, и вдруг увидела в руках того, кто молчаливо обходил меня с правой стороны, нож.

Щербатый заметил, что я смотрю на нож в руке его подельника,, и нарочито укоризненно произнёс:

— Ну что ты, Киря, пугаешь барышню, с такой цыпочкой надо бы поласковой,

И он сделал шаг вперёд, подходя ко мне ближе.

И тогда я резко вытянула вперёд руку и сказала:

— Не подходи!

— Ты смотри, Киря, у неё и голос имеется, — щербатый явно чувствовал, что силы на его стороне и непонятно зачем тянул время, словно издеваясь.

Я посмотрела на парнишку-грабителя, который при ближайшем рассмотрении оказался совсем молоденьким, почти подросток. Он таращил на меня глаза и молчал.

И я решила, что раз уж пострадала, то хоть спрошу:

— Куда вы дели мою сумку?

— Зачем она тебе, там ни... — начал было говорить щербатый, но потом лицо его исказилось и он более грубо сказал, — ты нам зубы не заговаривай, гони деньги.

— У меня нет, — зачем-то соврала я

Щербатый усмехнулся:

— А это мы сейчас проверим, — и кивнул своему Кире

Тот всё так же молча протянул ко мне свои руки и тогда я заорала.

И заорала я так, как учили меня в советской школе, не насилуют, не грабят, я заорала:

— Пожар! Горим! Пожар!

И это сработало!

Эхо из подворотни многократно усилило мой голос, и видимо, донесло его до жителей двора, а я потом уже узнала, что этот квартал выгорал два раза, каждый раз отстраиваясь заново, и у жителей двора к пожарам было своё особое отношение.

И очень скоро двор, да и подворотня стали заполняться выскочившими в чём попало людьми.

Я же, воспользовавшись тем, что Киря застыл, глядя рыбьими, прозрачными до противности глазами, на то, как в подворотню бегут полуодетые люди, сама выскочила и побежала в сторону ... двора. Да, мне нужны были мои бумаги.

Я их увидела сразу. Стопка валялась прямо на земле, а рядом с ней сиротливо лежала разодранная сумка.

Собрала документы, прихватила сумку, и уже собралась выходить из двора, как увидела маячащую там фигуру мальчишки-грабителя. Людей во дворе становилось всё меньше.

Разобравшись в том, что тревога ложная, люди радостно расходились по домам.

«Да уж, — подумала я, — второй раз может и не сработать»

И вдруг я заметила двух мужчин в офицерской форме, спускающихся по лестнице одного из подъездов.

У мужчин были довольные физиономии, они переговаривались о чём-то и посмеивались. Было у меня подозрение насчёт того, что могли делать офицеры в такое время в таком квартале, но мне было не до сантиментов.

Надо было действовать. И я, выскочив им навстречу, крикнула:

— Господа офицеры!

Не знаю, если честно, как я выглядела после пробежки, наверняка и волосы растрепались, да ещё и глаза горят от стресса.

Но офицеры, сначала с ленцой повернувшись на голос, и скорее всего собиравшиеся указать наглой девице, что так кричать среди бела дня не стоит, вдруг замерли, увидев меня, стоявшую напротив с пачкой бумаг в руках, с разорванной сумкой, прижатой локтем.

Я решила, что внимание привлечено, надо продолжать:

— Господа офицеры, проводите меня, пожалуйста, до отделения сыска.

Уж и не знаю, что сработало, то, что у меня в голосе прозвучало отчаянье, или то, что прозвучала совершенно немыслимая просьба, а только военные ни секунды не раздумывая, оба сразу кивнули, и один из них, с широкоскулым татарским лицом, широко улыбнулся:

— Будем рады, барышня

Я подошла к офицерам. Непроизвольно бросила взгляд в сторону подворотни, и выдохнула, не увидев там никого из тех, кого испугалась. Но решила не отказываться от помощи, мало ли что.

— С вами что-то случилось? — спросил другой офицер и, не дожидаясь моего ответа, представился, — Орлов Пётр, штабс-капитан Верхнеуральского корпуса.

Улыбчивый офицер с азиатской внешностью, которого я сразу определила, как балагура и весельчака, сразу сказал:

— Петр, дай барышне ответить,

И уже обращаясь ко мне, тоже сообщил, что его зовут Диваев Айдар, и он ротмистр того же Верхнеуральского корпуса.

— Стрешнева Фаина Андреевна, — тоже проявила я вежливость и кивнула в сторону подворотни, сказала, — шла по улице, у меня вырвали сумку, пришлось догонять грабителя.

Офицеры с удивлением на меня уставились, тот, который Пётр спросил:

— И как? Догнали?

— Как видите, — продемонстрировала я бумаги.

А вот ротмистр Диваев настороженно оглянулся и проговорил:

— Пойдёмте, по дороге расскажете, Фаина Андреевна

Оказалось, что этот район славился тем, что здесь можно было часто «встретить» грабителей, и вечером лучше бы вообще здесь не ходить, да и днём приличным людям лучше нанимать извозчика, и как можно быстрее проезжать по этой улице.

— Вы очень рисковали, Фаина Андреевна, — наставительно проговорил ротмистр, сузив и без того узкие глаза, — ни в коем случае не надо было бежать за грабителем, у них здесь все свои, всё равно, даже если бы догнали, отнять обратно бы не смогли, а вот вы могли пострадать.

Я кивнула, сейчас я и сама понимала, какую глупость совершила, изображая из себя супергероя. И резко выдохнула.

— Сейчас проводим вас в сыскное отделение, не волнуйтесь так, — мягко сказал Пётр, бросив укоризненный взгляд на товарища.

Я благодарно улыбнулась:

— Буду признательна за сопровождение.

Идти с двумя офицерами было не в пример спокойнее, и я так расслабилась, что не заметила, как рассказала, и о том, что недавно приехала в город, и что ездила к бухгалтеру брата, и что живу в имении с племянницей.

Наверное, ходить по городу в сопровождении офицеров, особенно по этой «замечательной» улице было дурным тоном, потому что я ловила странные взгляды от идущих навстречу людей.

Две дамы, похожие на маму с дочерью, прошли мимо, обе крупные, такого купеческого вида, щекастые, румяные. Старшая неодобрительно на меня посмотрела, а во взгляде дочки, по-моему, была видна неприкрытая зависть.

Довольно скоро дошли до отделения. Оно и впрямь находилось не очень далеко, всего через несколько домов после поворота на перекрёстке. Возле отделения собиралась распрощаться офицерами и, попыталась пойти внутрь, но штабс-капитан Орлов меня одну не пустил.

— Фаина Андреевна, — осторожно ухватив меня за локоть, произнёс господин штабс-капитан, и спросил, — вы верно никогда не были в сыском отделении?

Я отрицательно покачала головой.

И... не пожалела, что господин штабс-капитан пошёл вместе со мной.

Внутри было мало света, грязно, накурено, в приёмном холле отделения несколько человек сидели на лавке под присмотром двух мужчин в форме.

На меня, шедшую впереди офицера, сразу уставились все, кто был в «приёмной», и кто-то из тех, кто сидел в ожидании «оформления», даже присвистнул, но заметив, что я не одна, никто больше не осмелился ничего сказать.

— Где кабинет начальника отделения? — твёрдо, коротко, по-военному спросил Пётр.

Один из охранников показал нам в какую сторону надо пройти. Мы прошли в указанном направлении и вышли в совсем другое помещение. Там было гораздо чище, спокойнее, никаких задержанных, словно бы и вовсе это не было сыском.

Остановились перед дверью, на которой висела красивая золочёная табличка: «Александр Петрович Пришелец»

Глава отделения сыска г. Екатеринбург».

Мой новый знакомый постучал, оттуда раздался голос, разрешающий войти.

— Мне пойти с вами? — мягко спросил душка-штабс-капитан

Но я отказалась.

— Тогда я вас здесь подожду, — заявил он, и, наверное, приличнее было бы отказаться, но я смалодушничала, потому что мне хотелось, чтобы кто-то вот такой в форме, выглядящий надёжно и представительно, меня дождался и проводил.

Дорогие мои!

Спасибо, что остаётесь со мной и с героями книги

А ещё хотела рассказать, что моя книга "Вторая жизнь доктора Лейлы" завершена

<https://litnet.com/shrt/Pr3x>

Глава 15.

Глава сыска города Екатеринбурга, Александр Петрович Пришельцев был в сыске не за чины, а по призванию. Родившийся в семье учителя в Нижегородской губернии, окончил гимназию и поступил на службу в полицию в Тамбовской губернии, там отличился тем, что отдел под его управлением, обезвредил банду, которая несколько лет терроризировала местных жителей, грабя и убивая.

Почти год назад, в августе прошлого года был назначен на должность начальника сыскного отделения Екатеринбурга. И почти через полгода службы столкнулся с двойным убийством дворянина Стрешнева.

И вот теперь перед ним стояла тоненькая, совсем молоденькая девица, которая с видом ревизора спрашивала с него по результатам расследования.

А что он мог ей сказать? Все его усилия по поиску тех, кто мог совершить это страшное убийство не дали результатов.

Во-первых, убитых обнаружили слишком поздно. По зиме, быстро в отдалённое имение не доедешь. Во-вторых, создавалось впечатление, что кто-то намеренно путает следствие, каждый раз подсовывая заведомо ложную информацию.

А в-третьих, Александр Петрович подозревал, что даже найди он убийцу, до заказчика ему вряд ли удастся добраться. А то, что заказчик был, и властью, и деньгами обладал немалыми, Пришельцев был уверен. Такие вещи он чувствовал.

Но суду чувства не предъявишь и дело стало «висяком».

Фаина

Глава сыска мне понравился, небольшого роста, но крепкий, видно, что физически сильный мужчина, круглое лицо, короткая стрижка, на лбу был след от фуражки, которая сейчас лежала на столе, умный цепкий взгляд, на лице выделялись лихо закрученные густые усы.

— Чем обязан? — спросил тоном человека, которому некогда возиться с «глупыми девицами».

Ну раз так, то и я решила не пускаться в пространные объяснения:

— Фаина Андреевна Стрешнева, пришла узнать, как продвигается расследование убийства моего брата и его жены.

Александр Петрович явно не ожидал, что я вот так вот, вместо здрасти, в лоб сразу задам вопрос.

Зато, он мне предложил присесть и решил «потратить» своё драгоценное время на мою скромную персону.

— Фаина Андреевна, дело непростое, вижу вы, несмотря на возраст и...

Глава сыска замаялся, видимо оговорившись, и не желая этого произносить, но я, поняв, что это слово он никоим образом заменить не сможет, решила ему помочь:

— и пол, вы хотели сказать?

Мне удалось смутить Пришельцева, и это чувство было для него новым, поэтому дальше разговор пошёл, если не откровенный, то почти доверительный.

Господин следователь рассказал, что здесь он около года, отделение сыска новое, до этого такого в Екатеринбурге не было, и, конечно, для него было делом чести раскрыть убийство семьи дворянина, но он увяз в нём «как в муха в смоле».

— Понимаете, Фаина Андреевна, всё в этом деле указывает на то, что кому-то очень была нужна земля вашего брата. Я всё перерыл про землю, но никаких упоминаний, что там есть нефть или золото, я не нашёл.

Александр Петрович вздохнул и добавил:

— Да и вы прямая наследница, родовые земли не продаются, если есть хоть один прямой наследник.

Я рассказала Пришельцеву о том, что случилось со «мной» и увидела, что в глазах его «загорелся» профессиональный интерес.

Он вдруг напомнил мне собаку, взявшую след.

— А вот этого я не знал, — задумчиво проговорил Пришельцев и двумя пальцами потёр переносицу, как будто бы собираясь с мыслями.

Я решила, что это хороший момент, чтобы рассказать о происшествии в имении в первую ночь, и о том, что сегодня произошло в городе.

Выслушав меня, Александр Петрович покачал круглой головой:

— Вот что, Фаина Андреевна, охрану я вам в имение предоставлю, но и вы будьте осторожнее, в одиночестве не гуляйте. А то, что это, в город вы приехали с охраной, а по городу разъезжаете самостоятельно, да ещё и пешком по Коробковской улице пошли.

Пришельцев укоризненно на меня посмотрел:

— Вот вроде рассуждаете по-взрослому, а сами как маленькая. По Коробковской даже я один не хожу.

Я понурила голову, всё ведь верно сказал, зачем я с собой Азата взяла? Чтобы он меня в доме Нурова дожидался? Вот же самостоятельная «пчела».

И мне в голову пришло, что в лавку-то мне тоже охрана понадобится. Но Александр Петрович меня уверил, что на той улице всегда усиленные наряды полиции, поэтому можно отдельно не нанимать.

А я подумала, что иметь охрану, предоставленную полицией хорошо, но мне хотелось свою, и спросила:

— Я взяла нескольких человек из деревни в охрану, не будут они мешаться вашим людям?

Но Александр Петрович, наоборот, обрадовался:

— Это правильно, я своим скажу, они ваших подучат, а если какие недоразумения, то мы с вами решим.

На том и сговорились.

И я уже собиралась выйти из кабинета, когда Александр Петрович произнёс:

— Фаина Андреевна, будьте очень осторожны с новыми знакомствами, не хочу вас пугать, но чувствую, дело не закрыто.

Пришельцев вышел из кабинета вместе со мной. И что удивительно, но мой новый знакомый сидел и ждал меня.

— Вам провожатый нужен? — спросил Пришельцев подозрительно рассматривая штабс-капитана.

— Пётр Орлов, — вытянулся в приветствии вышестоящего чина, офицер, — я сам провожу Фаину Андреевну.

— Хорошо, штабс-капитан, проводите, — почти что приказал Пришельцев и, кивнув, снова скрылся в кабинете.

— Как вы, Фаина Андреевна? — мягко спросил меня Пётр, когда мы снова прошли через прокуренный зал отделения и вышли на улицу. Уже смеркалось.

— Спасибо вам, Пётр...простите, не знаю вашего отчества, — мне захотелось сохранить дистанцию.

Штабс-капитан Орлов понял, чем заслужил от меня благодарную улыбку и, по-доброму усмехнувшись, сообщил, что батюшку его Василием зовут.

— Пётр Васильевич, посадите меня, пожалуйста, на извозчика, мне до дома Нурова нужно, — попросила я ответственного мужчину, который явно собирался и дальше меня провожать.

Но просто извозчиком всё-таки не ограничилось, штабс-капитан поехал со мной и проводил меня до ворот, и, только убедившись в том, что я зашла, крикнул извозчику:

— Трогай!

Азата, мечущегося внутри Нуровского двора, я увидела сразу.

— Фаина Андреевна, — Азат от волнения даже назвал меня по имени-отчеству, вместо ставшего уже привычным «хозя-айка», и почти без акцента, — где вы ходите, почемужу меня с собой не взяли?

— Азат успокойся, — проговорила, чувствуя вину, — не привыкла с охраной, вот и уехала одна, ни тебя, ни Кузьму взяла, — а где он?

— С деэвочкой, она позвала, его пустили, — перешёл на свой обычный говор Азат, с лёгким кавказским акцентом и рубленными фразами.

— Готовься Азат, сейчас поедет обратно, надо бы до темноты успеть.

Азат только покачал головой:

— До темноты не успеем, хозя-айка, только если прямо сейчас выезжать.

Но прямо сейчас выехать не получилось, Раиса Леонтьевна оставила нас ужинать и ночевать.

На ужине сам Нуров тоже был, но на этот раз о делах мы не говорили. Единственный вопрос, который он задал, был про бухгалтера и про то, нужна ли мне помощь с бумагами.

Но я сказала, что сама попробую в бумагах разобраться. Нуров странно на меня посмотрел, но больше к этой теме не возвращался.

А я решила, что и в этом времени стереотип, что женщина плохо разбирается в цифрах тоже есть.

На ужин подавали гуся с пшённой кашей. И я снова поразились тому, как простую еду можно сделать такой вкусной.

После ужина Раиса Леонтьевна показала нам с Полиной красивую детскую, в которой мы немного с Полинкой поиграли, но укладывать её там я отказалась, решив, что спать лягу вместе с девочкой.

Про комнату всё же спросила, кому она принадлежала раньше. Но Раиса Леонтьевна вдруг расстроилась, на лицо у неё словно тучка набежала, и сразу стало заметно, что тема эта для женщины болезненная.

Я не стала выспрашивать, но подумала, что возможно она с радостью возится с Полиной и организовала приют, именно потому, что есть за этим какая-то боль.

Уложив Полину, вышла из комнаты, хотела дойти до библиотеки, которую мне показала Раиса Леонтьевна и любезно разрешила воспользоваться, если вдруг захочу почитать. Несмотря на насыщенный день, спать пока не хотелось, да и ужин надо было «переварить».

В доме было тихо, и я старалась идти, осторожно, не топать.

Перед тем, как свернуть к библиотеке я, поднявшись по лестнице, невольно остановилась у приоткрытой двери в комнату и, случайно услышала разговор. Говорили двое, Раиса Леонтьевна и Михаил Ананьевич.

— Миша, так сегодня день хорошо прошёл, я с малышкой повозилась, вот бы нам своего?

А Нуров мягко отвечал:

— Рюша, ну что-ты ей-богу, мы же уже говорили, что тебе опасно, годки-то уже не те, чай не двадцать.

Раздался судорожный вдох, как будто Раиса Леонтьевна старалась сдержать рыдание.

Потом снова голос Нурова:

— Ну что-ты Рюша, не плачь, не рви сердце, ну хочешь заберём эту Полинку?

Услышав такое предложение, я похолодела, и сразу же захотела распахнуть дверь и ворваться в комнату с криком: — «Размечтался!».

Мне стало интересно, что же ответит Раиса Леонтьевна, но как назло, я услышала, что кто-то начал подниматься по лестнице и мне пришлось ускориться и на цыпочках добежать до библиотеки, а когда я оттуда вышла и снова проходила мимо этой двери, то она была уже плотно закрыта и голосов слышно не было.

Глава 16

Утром встала рано и сразу же собрала Полинку. Хотела уйти «по-английски», не попрощавшись, взяла девочку и пошла вниз. Там мы нашли Кузьму и Азата. Кузьму отправила на кухню, попросить нам что-нибудь собрать в дорогу перекусить, а сама с Полиной пошла пока рассматривать небольшой красивый сад.

А когда мы шли обратно, то на выходе из сада я увидела, стоящую с укоризненным видом Раису Леонтьевну.

— Что же вы, Фаина Андреевна, так рано и уже уезжаете, — Раиса Леонтьевна потянулась к Полине, а я немного демонстративно прижала девочку к себе.

На лице Раисы Леонтьевны вдруг отразилось понимание:

— Вы слышали

Я кивнула:

— Случайно, поднялась в библиотеку, а дверь была приоткрыта, а разговаривали вы громко.

Раиса Леонтьевна грустно улыбнулась:

— Тогда вы должны были слышать и то, что я ответила Михаилу Ананьевичу.

— Мне стало неловко, и я ушла, — ответила я, продолжая прижимать к себе девочку.

— Я отказалась, сказала, что ребёнок не вещь, у одного забрали, другому отдали, — Раиса Леонтьевна посмотрела на меня, и добавила, — вот будут у вас свои, поймете о чём я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.